

Тимофей Дымов

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПО ВРЕМЕНАМ И ИЗМЕРЕНИЯМ

КНИГА ВТОРАЯ

СУНДУК ЛОВЦА

12+

Тимофей Дымов

**Сундук ловца. Серия
«Путешественники по временам
и измерениям». Книга вторая**

«Автор»

2017

Дымов Т.

Сундук ловца. Серия «Путешественники по временам и измерениям». Книга вторая / Т. Дымов — «Автор», 2017

Путешествия по временам и измерениям продолжаются. Из одного высокоразвитого мира пропадает и оказывается в руках злобных тафàргов могущественный инструмент управления существами. Ситуация осложняется тем, что Совет времён и измерений не знает, где именно злодеи спрятали свою добычу и когда будет нанесён удар по измерениям. Пацарàи незамедлительно отправляют ребят на розыски пропажи. Однако обитатели других миров не торопятся помогать путешественникам, то и дело вставляя «палки в колёса». Что это: вселенский заговор против светлых сил или просто равнодушие к незванным гостям?

© Дымов Т., 2017

© Автор, 2017

Тимофей Дымов

Сундук ловца. Серия "Путешественники по временам и измерениям". Книга вторая

Глава 1. По секрету всему Свету...

Серёжка проснулся раньше обычного. Было ещё темно, и он лежал тихо, чтобы не разбудить спящих на полу, на надувном матрасе, Кольку и Валерку. Глядя на мирно посапывающих друзей, мальчик думал:

– Прошло совсем немного времени, а я из простого школьника превратился в путешественника по временам и измерениям! Чудеса какие-то. Рассказать кому, не поверят. Когда вырасту, напишу книгу с картинками о наших приключениях...

– Не напишешь! – грубо прервал его размышления негромкий голос из темноты.

От неожиданности Серёжка выпучил глаза и осекся на полуслове.

Из полумрака вышел маленький Гунтас. Транспортный работник приблизился к кровати и устало опустился на краешек. Вид у него был потрепанный – рваная меховая жилетка, всклокоченные волосы и заметно трясущиеся пухлые ручки.

– Что с тобой случилось? – Серёжка не сразу признал в пришельце своего надежного проводника по временам и измерениям, всегда опрятного и сдержанного.

– Случилось, случилось... – бормотал себе под нос человек и что-то искал в безразмерной заплечной сумке. Необъятной она, конечно, была только внутри, а внешне представляла собой небольшой атласный мешочек, обшитый разноцветными драгоценными камнями. На передней стороне, посередине красовалась вышитая буква «G» и цифра 1, что означало: владельца зовут Гунтас, и он является пелином первой степени.

– Быстрее собирайся, нам предстоит дальняя дорога, – привычно скомандовал проводник.

– Подожди, только парней разбужу, – Серёжка поднялся с кровати и потянулся к спящим друзьям.

– Тсссс! – одернул его Гунтас. – Никаких ребят! Только ты и я. Не нужны там ягуары и космогрифусы – без них места мало. И бояться нечего. Короче, одевайся – и в путь, и смотри этих не разбуди! – ещё раз повторил он.

В легком недоумении Серёжка натянул спортивный костюм, надел тапки, тихонько обошёл матрас, на котором похрюкивали Колька и Валерка, и приблизился к задумчиво стоящему у окна Гунтасу.

– Я готов!

От неожиданности пелин вздрогнул, и стало очевидно, что он действительно был глубоко погружён в размышления.

– Чего-то мне твой вид не нравится, – сочувственно заметил мальчик. – Не заболел случайно?

– Как же, заболеешь тут! – проворчал в ответ Гунтас. С такими делами скоро без головы оста... – осёкся он. – Все, хватит разговоров, поехали! – схватил Серёжку за руку и трижды дунул в золотой Эрат.

***

В этот раз не было огромного зала с каменными колоннами и массивным мраморным столом, заставленным множеством колб и кувшинов: Совет времён и измерений заседал в небольшой деревянной избушке. Посередине за длинным дубовым столом, на котором в этот раз сто-

яли всего пять колб и три кувшина, всё так же гордо восседали пацарай. Только вид у них был несколько удрученный. Даже всегда добродушный балагур Карфиус в этот раз казался расстроенным и нервно дергал под столом левой ногой.

– А вот и вы! – радостно приветствовал прибывших верховный пацарай Джинта – высокий худой старик с белой как снег длинной бородой. – Надеюсь, за вами не было слежки?

– Не беспокойтесь, уважаемый Совет, транспортные работники умеют замечать следы своих перемещений. Вы же помните, куда мы забросили боевой отряд рептусов, которые пытались проследить за нами в битве при Лардоке?

– Тьфу ты, Гунтас! – брезгливо поморщился самый молодой пацарай Нимбус. – Не напоминай нам об этой гадости. Измерение гнойных сопливых трясов забыть невозможно! Я побывал там всего один раз, после чего очищал костюм от их козявок целый месяц.

– Давайте не будем отвлекаться! – предостерегающе поднял руку Джинта. – Мы собрались здесь по совершенно иному поводу. И он куда серьезнее, чем невинные шутки пелинов.

– Итак, – снова обратился он к Сервоету. – Мы срочно вызвали тебя сюда, чтобы сообщить неприятную новость, – пацарай, не отрываясь и не мигая, смотрел в глаза мальчику. – Твой дедушка, уважаемый Сервоет Лучезарный, по стечению немислимых обстоятельств умудрился «отличиться» в измерение пера и печатей – Бюроу. Его там приняли за нарушителя порядка и поместили в местную тюрьму. Когда выпустят – неизвестно, а он нам крайне необходим именно сейчас. Дело в том, что до Совета дошла информация о совершённом рептусами преступлении в измерении Логосеус.

– И что в этом такого страшного и необычного? – пожал плечами Сервоет. – Вы всегда говорили, что эти твари не могут жить в мире и спокойствии и постоянно устраивают пакости. Они даже собственный мир уничтожили из-за жажды кровопролития.

– Дело в том, что Логосеус – это не просто рядовое измерение, коих множество. Существа, населяющие его, волею судеб обладают одним из самых мощных интеллектов во всех известных нам мирах.

Естественно, они его используют на полную катушку, поэтому и достигли таких технологических высот, что жителям другим измерений и не снились. К сожалению, в их мире, как и во многих других, согласно распоряжению Совета времён и измерений есть резервация для проживания рептусов – «бедных сироток» без родного дома. Разумеется, живя в Логосеусе, поганцы пользуются всеми благами цивилизации, кроме оружия.

Но, к сожалению, мощный интеллект проиграл беспредельной подлости рептусов, и им каким-то образом удалось получить доступ к некоторым образцам новейшего смертельного оружия. Надеюсь, ты понимаешь, какая опасность грозит другим измерениям, если эти твари применят его?

– А почему вы не можете вмешаться и отобрать это оружие у рептусов? – выразил недоумение Сервоет. – И при чём тут мой дедушка? Он же не боевой терминатор, чтобы воевать со всякой нечистью! Сами говорили, что Лучезарный – крупнейший ученый.

– Тер... кто? – не поняли пацарай.

– Позвольте я поясню, – вмешался в беседу молчавший до этого Гунтас. – Сервоет, дело в том, что Совет времён и измерений имеет право вмешиваться в жизнь миров только в двух случаях: когда действия или бездействие жителей и гостей грозят существованию самого измерения, либо когда эти действия угрожают существованию других измерений. Понимаешь?

– Но разве наличие суперсовременного вооружения у бандитов-рептусов не является таким поводом?

– В этом и заключается сложность! Во-первых, у них нет этого оружия в буквальном смысле, так как они его украли, а потом спрятали в неизвестно каком времени неустановленного измерения. Если честно, то мы даже не совсем уверены, что это именно они его умыкнули. Может статься, что это сделал кто-то другой с целью последующей перепродажи.

– А во-вторых, – перебил пелина военачальник пацараев Лерак, – это не совсем оружие в прямом смысле этого слова.

– Вы меня окончательно запутали, – устало зевнул Сервоет. – Может, подождем до завтра и выспимся? До утра-то, думаю, ваше оружие-неоружие не выстрелит? – пошутил он.

– Всё гораздо серьезнее, – Джинта устало опустил в свое кресло. По выражению лица было видно, что он сильно колеблется, как будто не хочет раскрывать важную тайну.

– Уважаемый верховный пацарай! – склонился в его сторону Карфиус. – Я полагаю, что необходимо рассказать мальчику об этом приборе. Так ему будет легче понять нашу тревогу. Ну а после успешного завершения задания мы просто почистим Сервоету Младшему память в отношении всего, что касается Пеленгена. А если неуспешного, то рептусы ему сами все сотрут, вместе с оторванной головой, – даже тут Карфиус не смог удержаться от острот и залился смехом, прижимая ладошки к вздрагивающему пузу.

– Чего-чего касается? – вспыхнул Сервоет. – Какую-такую Пелагею вы хотите стереть в моей голове?

– Пеленген – одно из самых мощных из известных изобретений для уничтожения, эээ... – уточнил Джинта. – Ладно, похоже, выбора действительно нет, – согласился он с остальными членами Совета. – Нимбус! Сотвори, пожалуйста, для нашего гостя напиток Ройна и дай его выпить.

– Будет исполнено, – почтительно склонил голову молодой пацарай, после чего сделал едва уловимый жест руками – и между его ладонями появилась небольшая бутылочка, в форме маленькой хрустальной пирамидки.

Нимбус подошёл к Сервоету и бережно протянул пузырек.

– Пей, не бойся. Ничего страшного с тобой не случится, – подбодрил колеблющегося мальчика Гунтас.

– А что это такое? – спросил Сервоет, замороженно разглядывая содержимое. Оно искрилось, переливаясь сотнями цветовых оттенков. Казалось, что жидкость живая, ей тесно за стеклом, и она хочет вырваться из хрустальной тюрьмы – такая необъяснимая энергия исходила от неё, хотя на поверхности не было даже маленьких пузырьков.

– Не бойся, – как можно спокойнее повторил Джинта. – Это магический напиток Ройна. Он поможет твоему мозгу подключить все имеющиеся ресурсы, чтобы ты смог как можно точнее воспринять информацию о Пеленгене.

– Кроме этого, напиток является своеобразной меткой для нас. Чтобы в будущем, когда всё разрешится, мы смогли понимать, с какого момента надо стереть твои воспоминания, дабы на них не давил «груз знаний», – снова сдохнул Карфиус.

– Да уж, пожалуйста, пометьте получше, – попросил Сервоет. – А то, чего доброго, почистите мне все мозги, придется снова с детского сада жизнь начинать.

Ещё немного поколебавшись, мальчик открыл пузырёк и залпом выпил волшебную жидкость. Вернее, он её и не пил вовсе. Стоило слегка приоткрыть рот, как напиток Ройна сам влился в него. Ей-богу, жидкость была живая, без вкуса и запаха, даже не ощущался её вес на языке. Сервоету показалось, что в рот попала струя тёплого плотного воздуха. Залетела – и тут же растворилась.

После этого несколько секунд ничего не происходило. А потом мальчик почувствовал, как сознание, словно из маленькой комнаты в квартире, расширяется до размеров огромного многоэтажного дома. Он вспомнил сразу все события и знакомых людей из своей жизни, все сказанные и услышанные слова, увиденные фильмы и картины, прочитанные книги и услышанные песни.

Но самое удивительное, что отдельные фрагменты в этом огромном объёме информации не мешали друг другу, а сосуществовали в совершенной гармонии. Это можно было сравнивать с тем, будто ты космонавт, который парит в космосе и видит издалека сразу всю нашу

планету: реки, горы и моря, континенты и облака, когда остальные жители там, внизу, замечают не дальше близстоящего дерева. Ощущение, что он Всевидящее Око, поглотило Сервоета целиком.

От глобального контроля над собственной памятью наступило состояние блаженства и покоя, потому что волноваться было абсолютно не о чем. Стоило спросить себя, и ответ поступал мгновенно, на основе стройного анализа имеющихся данных.

– Ты, наверное, удивлен, откуда двенадцатилетний мальчик может так много знать? – видя изумление Сервоета, спросил Джинта. – Дело в том, что вы, лысаки, как и многие другие существа, начинаете получать информацию, ещё будучи в утробе матери. Как только мозг сформирован, он начинает как губка впитывать информационные волны, испускаемые другими лысаками. Только эти сигналы сохраняются в сжатом, закодированном виде. А раскроются они со временем или нет, зависит только от вас самих.

– Я уже запутался, можно попроще? – попросил Сервоет.

– Это не страшно, просто напиток Ройна ещё не начал действовать в полную силу. Ну, слушай: с самого начала жизни ваш мозг излучает определенные волны (назовем их «мысли») и параллельно ловит волны от мозга других лысаков. Понимаешь? Излучает и ловит, ловит и излучает. Хотя радиус действия и ограничен всего сотней метров.

И так всю жизнь, пока жив сам мозг. И вот, допустим, один лысак изобрел колесо. Всё! Волны об этом событии излучаются его мозгом и улавливаются лысаками, которые находятся рядом. И хоть они колесо не изобретали и вообще этим никогда не интересовались, тем не менее информация уже записана в их мозг.

Позже кто-то из этих лысаков путешествует, переезжает с места на место, распространяя таким образом «волны о колесе». И рано или поздно «колесо» уже крепко сидит в голове населения вашего измерения. После этого реальное колесо начинают создавать люди в разных местах, хотя они совершенно не знакомы с изобретателем.

Теперь понимаешь, почему некоторые племена, которые прожили всю жизнь на островах или на Крайнем Севере и никуда не выезжали, остались на примитивном уровне развития? Их мозгу просто неоткуда было улавливать новые волны.

– Зачем же мы тогда учимся, – возразил Сервоет, – если и так с рождения уже всё знаем?

– Не знаете, а обладаете, – поправил его Джинта. — Это совсем разные вещи. Если говорить просто, ваш мозг – это компьютер, где почти каждый файл зашифрован. А шифрами к ним как раз и являются науки – математика, физика, химия, и так далее.

– И зачем было такой огород городить? Нельзя обойтись без этих шифров и тайн? – начал упрямиться мальчик, которому не нравилось ежедневно ходить в школу, но при этом хотелось всё знать и уметь.

– Без этого никак нельзя, – вмешался в разговор транспортный работник. – Поскольку логичным завершением вашей земной жизни является смерть, то конечная программа мозга – это его полное отключение. А если он поймет, что расшифровал все полученные в течение жизни данные, то ему незачем будет работать, и мозг отключится. И получится, что вы будете умирать ещё в утробе матери.

– Скажи, ты будешь играть в компьютерную игру, когда сразу на экране увидишь её начало, середину и конец?

– А зачем? Это же неинтересно.

– Вот так и мозг. Пока есть для него повод трудиться, он живет и, соответственно, существуете вы. Кроме этого, излучение волн от мозга к мозгу является залогом выживания вашей цивилизации. Вы так любите болеть и воевать, безжалостно истребляя друг друга, что если бы не волновой обмен, то информация о колесе пропала бы вместе со смертью его изобретателя. Да, он бы успел сделать 10 или даже 100 тележек, но стоило бы им сгореть или сломаться – и всё: знания были бы утеряны навсегда.

– Но мы же всё равно умираем? Даже не успев «расшифровать» и тысячной доли полученной информации?

– А это уже вопрос к физиархитекторам, которые проектировали и создавали ваши кости, мясо, кровь и прочие потроха...

– Гунтас! – предостерегающе поднял руку Джинта. Мы договорились рассказать мальчику только о Пеленгене. Уговора о том, чтобы посвятить его во вселенскую мудрость, у нас не было! Не стоит примитивному существу доверять столь глубокие знания!

– Прошу прощения, верховный пацарай, это всё тот недавний инцидент. Он совершенно выбил меня из состояния душевного равновесия... – промямлил пелин, с грустью оглядывая порванную жилетку.

– Попрошу заслуженного боевого пацарая Лерака, величайшего знатока воинского искусства и обладателя множества наград за победы над рептусами и прочими исчадиями зла, не вдаваясь в тонкости, объяснить нашему гостю, что такое Пеленген.

Воодушевленный громким представлением своей персоны Лерак с важным видом вышел из-за стола. На его плотном мускулистом теле была надета короткая туника из толстой, но пластичной материи. Даже при лёгком движении она заметно колыбалась, переливаясь ослепительным серебристым цветом. На ногах сандалии на высокой кожаной подошве, украшенные торчащими во все стороны небольшими золотыми шипами.

Сервоету показалось странным, что боевой пацарай не носит кольчугу, меч или любое другое оружие. Однако вскоре он понял, что ошибался. Когда Лерак вышел из-за стола и направился в противоположный конец избы, кто-то из пацараев, колдовавший над колбами, случайно задел плечом и опрокинул стоящий рядом кувшин. Тотчас из горлышка выскочило маленькое существо, напоминающее мышь с восемью глазами на голове и мускулистыми лапами с длинными когтями. Причем они были ненамного тоньше самих лап. Мышь огляделась, принялась – и бросилась в сторону удаляющегося Лерака. Высокий прыжок с края стола, недолгий полет и, казалось бы, неминуемое приземление на спину пацарая. Вместо этого, не долетев до блестящей туники всего несколько сантиметров, зверюга внезапно вспыхнула ярким пламенем и спустя секунду сгорела без следа.

Маленького Сервоета зрелище просто заворожило: – Вот это крутотень! Супермен отдыхает!

– Да, я тоже частенько удивляюсь хитрым штучкам наших пацараев, которые могут в буквальном смысле вылепить из мухи слона. А потом заставить его водить автомобиль или управлять целым измерением.

Тем временем боевой пацарай благополучно дошёл до места, махнул рукой – и одна из стен дома превратилась в огромный экран. Зажёгся свет и появилось трехмерное изображение каких-то созданий из разных миров, с их подробным описанием и ещё множеством непонятных мальчику символов.

Удивительно, но «телевизор» мог передавать и запахи. Поэтому вскоре зал Совета наполнился поочередно сменяющимися друг другу «ароматами», присущими тем или иным существам: то болотной тины, то медовых цветов, то палёной шерсти. От неожиданности у Сервоета засвербило в носу. Он даже хотел чихнуть, но сдержался, подумав, что это будет проявлением слабости перед уважаемым Советом, который и без того не очень жалуется физические и умственные способности лысаков.

– Итак! – многозначительно изрёк Лерак. – Пеленген, или «Универсальный пеленгатор генов» был создан в качестве прибора для улучшения существ в измерениях. Дело в том, что почти все первые живые твари создавались по универсальным шаблонам, выведенным много миллионов лет тому назад. Однако вскоре после заселения миров было замечено, что существа поддаются мутациям из-за влияния самих измерений.

– То есть миры способны влиять на существ, их населяющих? – переспросил Сервоет.

– Не сами, а «реки силы», из которых питаются энергией все живые существа. Ты, наверное, помнишь, что мы специально создали второстепенные реки различными в разных измерениях. Это было сделано для защиты их обитателей от незваных гостей.

И вот эта «разность» в итоге сыграла с ними злую шутку. У существ начали происходить мутации, и не всегда в лучшую сторону. Дошло до курьезов, когда у крысодавов стали расти восемь лап и два хвоста, а у динозавров в вашем измерении появились крылья. Поэтому Совет времён и измерений дал задание жителям Логосеуса изобрести немагический прибор, позволяющий ловить, то есть пеленговать малейшие изменения в генной структуре существ и уничтожать мутации на начальной стадии.

Но мозготрясы не были бы таковыми, если бы не превзошли сами себя и не изобрели прибор, превосходящий заказ по универсальности в десятки раз.

В итоге изготовленный Пеленген оказался способен не только обнаруживать и уничтожать ненужные мутации в генах, но и заставлять их мутировать так, как того пожелает оператор прибора. Достаточно доставить его в нужное измерение, задать определенную программу – и оп, получаем целый мир лысаков с двумя головами и тремя ногами! Или вообще без ног и рук. В общем, страшная штука, скажу я вам. Она коварна своим неопутимым воздействием: никакой палбы, взрывов, войн и эпидемий и полное отсутствие магии!

Просто стоит такой прибор в каком-нибудь полуразрушенном доме на окраине убогой деревушки и излучает программу мутации. И вроде ничего не происходит, только год за годом становится больше тупых, трехголовых или семируких монстров, не способных связать два слова, читать и писать. А жители измерения всё валят на погоду, экологию и пищу, не понимая истинной причины своих бед.

– Но вы же сами говорите, что для мутации нужны годы? В чём тогда опасность? Как только обнаружите в измерении первых мутантов, отправите туда отряд боевых магов, найдете прибор и вывезете его. Делов-то! – Сервоет аж подпрыгнул от такой недетской смышлёности.

– Делов, говоришь? Это хорошо, если мы обнаружим их сейчас, в «современности» измерения, плюс-минус 200 лет. А если рептусы загонят Пеленген, например, в ваш мир, только на 100 тысяч лет тому назад? И «врубят» его на полную катушку. И все эти годы, до наших дней, прибор будет работать. Как мы потом узнаем, что у Сервоета не должен быть глаз на спине и носа в ухе? А?

– Но у вас же есть «идеальные образцы» всех существ? Гунтас, ты же сам мне рассказывал? Помнишь, там, в Пятиречье?

– Хм... – смутился пелин. – Пожалуйста, не надо так голосить об этом на весь Совет. Дело в том, что есть существа, которых создали, так сказать, искусственно, и первоначально заселили в измерение. Таких немного, но они есть. И все они подробнейшим образом описаны в Великой книге времён и измерений. А остальные существа, населяющие миры, уже плод эволюции и мутации первоначальных созданий. Понимаешь?

– То есть мы, лысаки, были заселены первыми, а все остальные звери и птицы – наши мутанты? – с детской непосредственностью спросил Сервоет.

– Что? Лысаки первые, а-а-а-а! Сейчас упаду со стула, – хохотун Карфиус взвился над столом и разразился истерическим смехом.

Остальные пацараи также с трудом сдерживали улыбки, стараясь хранить маску серьезности. Даже всегда слегка угрюмый и сосредоточенный Гунтас стоял и скалился во весь рот.

– Я что-то не то сказал? – смутился мальчик, не понимая повальной веселости, напавшей на взрослых.

– Да подожди, ох...ах... дай хоть отсмеяться! – задыхался Карфиус. – Лысаки – первые!!! А-я-я-й, держите меня семеро. Ну и жуткое самомнение! Им одним можно рептусов пугать и прочих монстров! Давно я не слышал такой отменной шутки.

– Уважаемые члены Совета! – попытался образумить пацараев Джинта. – Спешу напомнить, что мы собрались здесь не для того, чтобы посмеяться над лысыми обезьянами. Поэтому прошу ещё минуту внимания.

– Надеюсь, Сервоет, ты понял, насколько грозным может быть Пеленген. И как важно, чтобы репутасы не успели им воспользоваться. В наших руках сейчас находятся судьбы множества измерений... Впрочем, как всегда, – уже совсем тихо произнёс он и устало опустил в кресло.

– Ситуация осложняется ещё и тем, что, как я уже говорил, Сервоет Лучезарный находится в заточении в измерении «Пера и печати». А без него и его знаний никто другой не сможет отыскать спрятанный Пеленген.

– Даже вы, пацараи, не справитесь?

– Ты точно дал ему напиток Ройна? – Джинта вопросительно уставился на Нимбуса. – Такое ощущение, что он выпил мочи ежа, а не чудодейственный эликсир.

Он снова повернулся к Сервоету и терпеливо продолжил объяснения: Я тебе уже неоднократно говорил, что Совет НЕ МОЖЕТ вмешиваться в жизнь измерений, если это не угрожает существованию самого измерения и т. д. и т. п.

– Да-да, извините, я помню. Просто сейчас вы обрушили на меня столько информации, что даже с напитком Ройна мозг разрывается на части, – попытался реабилитироваться Сервоет.

– В общем, тебе надо отправиться в измерение «Пера и печати» и постараться вызволить оттуда дедушку. А дальше мы решим, что делать. Задание усложняется тем, что Гунтас не сможет тебе там помочь. Он, мягко говоря, не очень поладил с местным населением и его самого чуть не упрятали за решетку.

– Точно так! Негодяи они! Сами не живут, и другим не дают. Вот, жилетку порвали, – Гунтас подошёл ближе к столу, показывая уважаемым членам Совета дырки на поверхности меха. – Чуть меня на части не растащили, набросились, словно голодные бульдерлоги!

– У нас мало времени, – резко прервал его жалобы Джинта и встал, давая понять, что встреча окончена. Остальные также поднялись со своих мест и молча растворились в воздухе.

– Ну что же, пора и нам. – Гунтас достал из бездонной сумки начищенный до блеска золотой Эрат и трижды дунул в него.

Глава 2. Бумага всё стерпит

– Гунтас, я так и не понял, с чего пацараи так развеселились? Карфиус трясся, будто его током долбанули!

Путешественники стояли, пригнувшись, под небольшим арочным мостом, сложенным из кирпича, по которому всё время кто-то ходил. Поэтому Серёжка не мог эмоционально выразить возмущение и лишь тихонько шипел в ухо пелину.

Мост был довольно узким, не более пяти метров в ширину и метра два в высоту. Но очень старым, судя по крошащемуся, обросшему мхом кирпичу и желтому скрепляющему раствору, в котором виднелись частички ракушек.

Внизу протекала мелкая речушка, медлительная и теплая. Серёжке она едва доходила до лодыжек, Гунтасу чуть повыше. Это был очередной Нерус – портал для путешествия по временам и измерениям, обслуживаемый транспортными работниками – пелинами. Вот только в каком измерении, мальчик понятия не имел.

Погода стояла теплая и ясная – насколько удалось оценить, сидя под мостом. Поэтому в целом «засадные условия» были терпимыми. Сразу после прибытия Гунтас велел мальчику снять обувь и положить её на берегу, чтобы та просохла.

– Видишь ли, Сергей...

– О, Сергей! – отметил про себя мальчик. – Значит, я нахожусь в родном измерении! Ведь только там моё имя не меняется на ставшее уже привычным – Сервоет.

– Дело в том, – неторопливо продолжал Гунтас, – что пацараев очень развеселило твоё высказывания о лысаках как о первосозданиях вашего мира.

– Значит они надо мной смеялись? – вскипел Серёжка, непроизвольно повышая голос.

– Тише ты! – одёрнул его пелин. – Не забывай, что мы находимся в Нерусе, а не в школьном коридоре на перемене! Не тебя они высмеивали, а лысаковскую самоуверенность. Я уже кое-что рассказывал про вас – лысых обезьян. На простом примере с крысодавами ты сам убедился, что в своём развитии вы не идёте ни в какое сравнение с ними и другими, куда более продвинутыми созданиями. Я ещё многого не могу тебе поведать, но, поверь, чем скромнее и осмотрительнее ты будешь себя вести в других измерениях, тем большего количества ошибок, подчас смертельно опасных, удастся избежать.

– Снова тайны! – устало выдохнул Серёжка. – Как они меня достали... Мы участвовали в магических битвах, спасли целое измерение, раскрыли и обезвредили банду сумасшедшего маньяка, который хотел всех погубить. А ты все ещё считаешь меня ребенком и таскаешь за собой как чемодан. И что мы вообще здесь делаем? Мне надоело сидеть, скрючившись, под этим сырым мостом! Вода хоть и тёплая, но всё равно холодит ноги. Лучше бы я дома остался, с Колькой и Валеркой. Поспали бы нормально, а утром мама накормила бы нас вкусной яичницей с жареной колбасой.

Вместо этого сидим непонятно где и ждём неясно чего! Какой сейчас хоть год-то?

– Мне не легче твоего, – признался сидящий рядом Гунтас. Ещё вон жилетку разодрали – теперь воздух холодный пропускает. Мы ждём одного важного для нас лысака. Он должен подойти ближе к вечеру. Всё остальное узнаешь у него.

Прошла ещё пара часов томительного ожидания. На улице уже порядком стемнело. Топот ног через мост слышался все реже и реже, пока совсем не затих. Стало холодать. Но вот поблизости послышались шаги, сопровождаемые постукиванием о брусчатку кончика трости. Человек шёл не спеша, пошаркивая.

Зайдя на мост, он дошел до середины, остановился, громко прокашлялся и трижды с силой стукнул тростью по кирпичному своду.

– Пора! – живо приободрился Гунтас. Выскочил из воды, натянул башмаки и с проворством кошки полез на один из не очень крутых берегов речушки. Серёжка без промедления последовал за ним.

Наверху их ждал пожилой мужчина высокого роста, подтянутый, с аккуратной седой бородкой. Он стоял, опираясь на толстую трость с массивным восьмигранным набалдашником. По выражению лица было заметно, что прогулка давалась ему с трудом. Тем не менее он сразу устремился в сторону путешественников и даже вытащил за руку неумело карабкающегося по склону мальчика.

– Разрешите представиться – Жюль Габриэль Верн к вашим услугам, – почтительно склонил голову мужчина.

– Гунтас – транспортный работник первой степени, а этот скромный юноша – Сергей, внук знаменитого Сервоета Лучезарного.

– Что вы говорите, самого Лучезарного? – мужчина с интересом стал разглядывать Серёжку. – Если сказать, что он мой кумир, значит совсем ничего не сказать. Для меня ваш дедушка – образец настоящего путешественника и учёного! Я несколько раз просил взять меня с собой в его бесконечные странствия по временам и измерениям. Это же такой гигантский пласт информации для моих рассказов! Да мы бы поставили на уши всю общественность незамысловатого шарика, именуемого Землёй.

– Вот именно поэтому он Вас никуда и не взял. Слишком бурная фантазия и неуёмное желание поделиться информацией с каждым встречным – это верная погибель для любого путешественника по другим мирам, – привычно стал бурчать Гунтас.

– Кроме этого, я вижу, в Вас уже стреляли? И довольно успешно, если можно так выразиться? – и он с сочувствием посмотрел на ногу Жюль Верна.

– Точно так. Поздним вечером на улице на меня напали какие-то мрачные типы. Хотели по-тихому прирезать ножом, но я вырвался и побежал. Злодеи стали стрелять, и одна из пуль угодила в лодыжку. От невыносимой боли я рухнул на месте, даже не помышляя о том, чтобы подняться и продолжить спасительный бег. К счастью, недалеко дежурили полицейские, которые первыми подоспели ко мне. А бандиты скрылись в темноте, и больше я с ними не встречался. Злоключение произошло в марте этого года.

– Какого года? – с любопытством спросил Серёжка.

Господин Верн сперва удивился, подняв брови, но быстро справился с эмоциями.

– Ах да, я же совсем забыл, что вы прибыли из другого времени. Сейчас 10 мая 1886 года, и мы находимся на севере Франции.

– Недурно вы оклемались от серьёзного ранения всего за два месяца, – искренне удивился Гунтас.

– Спасибо. Если передвигаться на небольшие расстояния, то всё в порядке. К сожалению, о дальних путешествиях пока пришлось забыть. Сергей, позвольте полюбопытствовать, из какого времени Вы к нам прибыли?

– Не позволит! – не дал раскрыть мальчику рта пелин. – Будет с Вас информации, которой любезно поделился Сервоет Лучезарный. Вы и так позволили себе сболтнуть лишнего в своих книжках. Нам пришлось даже уничтожить три последних рукописи!

– Так это был не случайный пожар? Но зачем? Это же так увлекательно и познавательно! – с обидой в голосе возразил Жюль Верн. – Тем паче, что именно те три романа должны были стать шедеврами фантастической литературы на долгие годы вперед!

– Мы Вас предупреждали: лысаки не должны знать никаких подробностей о будущем измерения.

– Но почему? Ведь информация о судьбе поможет исправить её, улучшить, предотвратить будущие катастрофы! – не сдавался мужчина.

– Хватит, уже однажды улучшили. Тоже, помню, один такой сильно нас упрашивал. И много тысяч лет тому назад специалисты Совета времён и измерений передали вашим египетским предкам некоторые нехитрые знания об обработке металлов, создании источников энергии, медицине и астрономии.

А чем все кончилось? Улучшили они жизнь себе и потомкам? – начал закипать Гунтас. – Не тут-то было! Возомнили себя пацараями (богами, по-вашему). Начали воевать со всем миром, истребляя лысаков без меры да между собой грызться, доказывая собственную безупречность и совершенство. А по факту, как были полудикими лысыми обезьянами, так ими и остались.

– А что дальше с ними стало? – не сговариваясь, разом спросили Серёжка и господин Верн.

– Ничего хорошего. Когда Совет времён и измерений понял, что дело «швах» и ваш мир надо спасать, пока эти «фараончики» не истребили его под корень, было решено забрать у лысаков почти все подаренные знания.

Для этого организовали отряд из обиженных лысаков под предводительством некого Моисеуса. Между прочим, это именно он нас слёзно упрашивал передать «разные чудеса», как он их называл. С магической помощью они устроили крупную бучу в Египте (якобы народное восстание) и большой пожар. А под это дело напали на библиотеки и храмы и уничтожили все записи о новых технологиях.

– Гром, молнии и огненный град! Кажется, об этом говорится в сказании «О десяти казнях египетских», которые устроил Бог фараону за то, что тот отказался отпускать евреев из Египта, – уточнил Жюль Верн.

– Ага, как же, десять казней! Пятнадцать разъяренных магов-огняков и бочка настойки из солнечных ягод. Такое огненное шоу устроили, что из-за моря видно было!

Камни плавились от жары, а песок таял как снег. А богом, как вы его называете, в тот раз выступил прапрадед Дирана Огненного – Диран Меченосный. Ох и талантливый маг был! Мог практически любое измерение в огне утопить, стоило ему по-настоящему завестись.

Рептусы его боялись как огня, извините за каламбур. Боялись и уважали, поэтому никогда в том мире, где Меченосный работал или отдыхал, даже не помышляли ни о каких гадо-стях. А когда маги-огняки сделали своё «светлое дело», мы велели Моисеусу собрать всех, кто имел отношение к работе с новыми технологиями, и увести их куда подальше от цивилизации. Вот он и «мотылялся» с ними по пустыне больше сорока лет, пока не умерли последние свидетели тех дней.

– А как же их потомки? – поинтересовался Серёжка.

– Всем «моисеевцам» было строго-настрого запрещено посвящать молодежь в свои секреты. Они лишь обозначили, что являются хранителями великой тайны, но никому ничего не рассказали. Так удалось исправить нашу ошибку. И теперь лысаки больше никогда не будут получать знания и технологии, опережающие ход их естественного развития. По крайней мере, от Совета времён и измерений.

– Можно чуточку помедленнее – я не всё успел зафиксировать, – Жюль Верн карандашиком быстро делал пометки в неведомую откуда взявшееся маленьком блокноте. – Из каких магов, Вы говорите, он был? Диран Меченосн...

– Мистер Верн, Вы неисправимы! – Гунтас махнул рукой, и буквы из блокнота стали невесомыми. Они медленно поднимались в воздух и беззвучно растворялись, как дым от сигарет. И вот уже последняя точка отправилась в свой «высокий полет». Листы блокнота стали абсолютно чистыми.

– Так-то лучше, – удовлетворенно заключил пелин. – Однако мы отвлеклись от наших дел. – Господин Верн, Вы помните, что мы предупреждали Вас о грозящей опасности?

– Помню-помню. Всё случилось именно в тот промежуток времени, как мне и говорили. Признаюсь, осознал это только после покушения. А вначале не придавал особого значения предсказаниям Совета.

– И совершенно напрасно! Потому что это не предсказания, а факты из вашей, м-м-м, «личной биографии» – назовем это так. И некоторые из них нас встревожили, поэтому было решено предупредить Вас. А что же полиция?

– Сначала они взялись за дело с воодушевлением. Как же, совершенно покушение на известного писателя! Какая огласка! Какой общественный резонанс! А потом, через несколько дней, словно кто-то сглазил. Мне позвонил начальник местной полиции и сухо произнёс: «Господин Жюль Верн, ваше дело раскрыто. Стрелял Ваш сумасшедший племянник Гастон. Он уже задержан и даёт показания. Засим позвольте откланяться, дело о нападении и покушении на Вашу жизнь закрыто...»

– И что Вы думаете по этому поводу? – поинтересовался Гунтас.

– А что тут думать? Все шито белыми нитками. В момент покушения бедного Гастона даже не было в Амьене. Он проходил очередной курс лечения в частной клинике. Просто нашли «козла отпущения», чтобы выгородить настоящих убийц и, самое главное, их заказчика.

– Не мудрено. Вас же просили не соваться куда не надо. И никоим образом не обнаруживать своё знакомство с существами из других измерений. Вы нас не послушали, да ещё и книги написать умудрились. И вот закономерный результат.

Безусловно, Вы являетесь неординарным лысаком, который знает и понимает гораздо больше основной массы соплеменников. Но это не дает Вам повода раскрывать секрет будущего всего измерения, понимаете? О судьбе лысаков – да пожалуйста, пишите хоть на 3000 тысячи лет вперед. Какой у вас будет рост, сколько рук и пальцев. Чёрный или белый цвет волос будет преобладать через 500 лет – и так далее. Но не надо затрагивать секретную информацию, касающуюся других существ, населяющих ваше измерение. У них своя судьба, своё право и свои варианты развития. И будущее гигантского осьминога из морских глубин, наводящего ужас на корабли, – это не лысаковского ума дело, понимаете?

Вам же не дано понять, что эти чудища, как вы их называете, на самом деле уважаемые во многих измерениях Октоподусы, – одни из умнейших существ. Вы знаете, что они способны прожить более тысячи лет практически в любом измерении? Главное условие для их существования – наличие больших водных территорий. Будучи учёными и исследователями, за свою долгую жизнь они делают множество открытий из мира подводной флоры и фауны. Их труды поистине бесценны, ими пользуются в сотнях известных измерений. А вы нападаете на них с ржавыми железными баграми, ловите и истребляете словно главных врагов человечества.

Жюль Верн и Серёжка слушали маленького Гунтаса, виновато склонив головы. Именно в такие моменты они осознавали, насколько мало знают даже свой собственный мир и как необъятно велики вселенские знания, которыми обладает Совет времён и измерений.

– Ладно, хватит на сегодня нотаций! – подытожил Гунтас. – Что касается совершенного на Вас, мистер Верн, покушения, то это проделки наших недоброжелателей.

– Тафар... – начал Серёжка.

– Тише! – Гунтас предостерегающе поднёс палец к губам. – Господину Верну не стоит знать того, чего не стоит. Так вот: враги очень заинтересованы в том, чтобы ваше измерение как можно скорее прекратило своё существование. Для чего им это нужно, мы пока не выяснили. Но сам факт планирования уничтожения уже известен.

– Весьма интересно. Весьма, – задумчиво изрек Жюль Верн. – И какими способами, вы полагаете, они хотят этого достигнуть?

– Это не так сложно. Уничтожение планируется осуществить руками самих лысаков. Для этого как нельзя кстати подходит ваш неудачно мутировавший ген самосохранения.

– Почему же неудачно? – возразил Жюль. – Человечество с каждым годом становится всё более изобретательным в вопросах улучшения качества жизни. Одни паровые машины чего стоят!

– Не перебивайте, и сами поймёте. Дело в том, что первые лысаки в измерении существовали в полной гармонии с природой. Они брали от неё ровно столько, сколько им было необходимо. Допустим, жило себе племя из ста человек. Для прокорма им хватало 10 килограммов мяса и 5 килограммов трав и кореньев в день. Из такого расчета они и существовали.

Не убивали зверей больше, чем надо и не уничтожали растения, не вырубали деревьев. Не занимались необузданным накопительством, наносящем вред окружающей среде. Ген самосохранения работал как надо. Лысак понимал главное: не поешь – умрёшь. Не попьёшь – будет жажда. И ему было совершенно наплевать, сколько кружочков белого или жёлтого металла лежит под каменной подушкой.

Шло время, ген мутировал. И вот уже лысаки стали всё больше подвергаться паническим настроениям: «А что будет через год? Чем я буду питаться? Смогу ли я на зиму собрать столько припасов, чтобы мне хватило?» И понеслось!

Началось такое насилие над измерением, что даже рептусы позавидовали бы! Засеивались бескрайние поля: для этого повсеместно вырубались и выжигались вековые леса. Дикие животные истреблялись в немыслимых количествах. Когда и их перестало хватать, лысаки стали разводить домашних животных. Вы только вдумайтесь: дарить жизнь существу, заботиться, растить только для того, чтобы его потом убить!

– Но как же иначе, ведь людей становилось всё больше, нам надо было чем-то питаться! – парировал Жюль Верн.

– Ну, во-первых, сегодняшние запасы еды в вашем измерении намного превышают даже месячную потребность в ней. И вы лучше меня знаете, что много из этого испортится и сгниет ещё до того, как пойдёт в пищу. То есть, попросту говоря, вы выкидываете еду на помойку. А во-вторых, даже такие колоссальные запасы распределяются неравномерно среди лысаков. И у вас по прошествии многих тысяч лет и при наличии гигантских складов с едой по-прежнему есть и голодающие, и умирающие от недоедания люди.

Лысаки как бешеные тратят всё свое время на увеличение запасов – еды, топлива, одежды, драгоценностей. И все из-за мутации гена – ПАНИКИ, которая поселилась в ваших головах много тысяч лет тому назад.

Вы когда-нибудь видели сытого льва, ломающего голову по поводу завтрашнего обеда? Или запасшегося жиром на зиму тюленя, который бешено плавает с криками «Мне нужен ещё жир, много жира, даешь запасы на 10 лет вперед!» А может, вам известны случаи растений, которые страдают ожирением из-за того, что «втянули в себя» углекислого газа больше необходимого? Нет! Потому что почти все живые существа, населяющие ваше измерение, живут в гармонии с внешним миром и не подвержены панике.

И здесь мы подошли к главному, что я хотел вам рассказать. Ген мутировал дальше, и паника стала всепожирающей. И вы пришли к тому, что ради бесцельного накопительства стали убивать себе подобных. Черта была пройдена. Вы убиваете, чтобы отнять запасы у других лысаков. Потом убиваете, чтобы у вас самих не отняли запасы. И так бесконечно, по кругу.

Ну а логическим концом мутаций стали пришедшие в голову мысли, которые за короткое время облетели разумы всех лысаков измерения: «Нас стало слишком много! И будет всё больше и больше! Скоро планета не сможет прокормить всех живущих на ней людей! Заканчивается энергия и запасы пресной воды! Что делать? Население надо срочно сокращать всеми доступными способами!» Как видите, паника почти достигла своего апогея.

– И в чем же состоит правда? – без энтузиазма спросил Серёжка.

– А правда в том, что вы ещё совсем «зелёные» существа и не знаете всех возможностей своего измерения. И вместо познания мира занимаетесь изобретением новых париков и трубок для курения да убийством невинных зверьков для пошива никому не нужных шуб.

А на самом деле всё гораздо проще. Вот лишь три факта, над которыми стоит задуматься. И именно о них, господин Верн, Вам теперь предстоит кричать на каждом углу, доводя эти очевидные цифры до остальных.

Итак:

первое: площадь поверхности Земли составляет 510 миллионов квадратных километров.

Из них

– на долю суши приходится почти 149 миллионов квадратных километров (или 29,2% поверхности планеты);

– на долю Мирового океана – 361 миллион квадратных километров (или 70,8% поверхности планеты).

И вы мне ещё будете заявлять, что в вашем измерении может начаться дефицит воды?

Второе: более чем две трети человечества сконцентрировано примерно на 8% площади суши.

И даже в твоё время, Сергей, около 10% суши вообще остаются необитаемыми (Антарктида, почти вся Гренландия и так далее);

Третье: таким образом, ВСЕ лысаки занимают не более 4-х (!!!) процентов поверхности своей родной планеты.

Правда, впечатляющие цифры?

Вот на что надо направить ВЕСЬ лысаковский потенциал. Только создание новых технологий, позволяющих строить комфортные города в вечной мерзлоте и жаркой пустыне, способны решить вопрос «перенаселения». Я уже не говорю про освоение подводных территорий и надводных пространств Мирового океана. У вас под ногами плещется ещё почти ТРИ (!!!!!) суши (по территории) планеты Земля. Три! И вместо того, чтобы строить огромные и просторные подводные города, вы предпочитаете уничтожать друг друга сотнями тысяч за ничтожный клочок земли где-нибудь в Европе.

Откровенный застой в технологиях и продолжающееся перенаселение четырех процентов поверхности Земли – смешно звучит, не так ли?

– Но на всё, перечисленное Вами, нужна энергия, колоссальные объемы энергии! Всех запасов древесины и угля на Земле вряд ли хватит на постройку всего нескольких подводных поселений, – сопротивлялся Жюль Верн.

– Энергии вам не хватает? Да знаете ли вы, что объём солнечной энергии, поступающий на Землю, превышает потребность ВСЕГО населения, всех фабрик и заводов в 10 000 раз!

– Я читал про энергию Солнца в трудах уважаемого Александра Эдмона Беккерела. Кажется, «Фотогальванический эффект», точно не помню, – задумался Жюль Верн.

– Вместо этого, – продолжал лекцию пелин, – вы предпочитаете бурить вглубь на километры и взрывать землю ради куска угля или бочки нефти. Загрязнять озёра и реки с чистой водой, чтобы потом строить искусственные водоёмы с водой для питья. Рисковать собственными жизнями и наносить вред окружающим существам.

И причина всему – ПАНИКА в ваших головах. Неужели вы думаете, что при создании и заселении мира наимудрейшие пацараи не позаботились о том, чтобы каждому существу здесь комфортно жилось? Вас обеспечили всем: воспроизводящимися запасами воды, растений, животных, неиссякаемым источником энергии. Размеры измерения позволяют плодиться и размножаться без риска перенаселения. Но стоило посеять в вашем разуме частицу паники – и всё сразу было перечёркнуто!

Понимаете, Жюль, о чём я говорю? Поэтому для нас столь ценен Ваш живой ум и нестандартное мышление, через которые Вы сможете донести до остальных лысаков размеры проблемы и пути её решения. Вы должны писать много и интересно. И будете делать это до тех пор, пока зерно истины не даст ростки хотя бы среди сотни, а лучше тысячи лысаков.

И, может быть, через столетия Ваши последователи снова выйдут на истинный путь развития – без ненужного насилия и пустой траты ресурсов измерения.

– Почему мне не сказали об этом раньше, когда я только познакомился с посланниками Совета времён и измерений? – удрученно произнёс Жюль Верн.

– Всему своё время, – повторил Гунтас, повернувшись к Серёжке. – Не раньше, не позже!

– И всё-таки я не понимаю, – потирал лоб господин Верн. – Если дела обстоят так серьёзно, то кому в нашем мире понадобилось вводить нас, лысаков, в заблуждение? Ведь очевидно, что никому из живущих здесь не выгодно, чтобы измерение было уничтожено!

– А из живущих не здесь? – съязвил пелин.

– Об этом я совершенно не подумал, – согласился мужчина. – Если чисто гипотетически предположить, что некто из измерения X хочет уничтожить наш мир. Хм-м-м... Забавно. Тогда возникает вопрос, для чего ему это нужно?

– А если он хочет просто уничтожить? Без ответа на Ваш вопрос, – подзадорил его Серёжка.

– Такое мне вообще не приходило в голову, – сдался господин Жюль Верн. – Запутали вы меня окончательно, путешественники по временам и измерениям. Лучше скажите, что теперь делать?

– Выздоровливайте. И пишите о том, что я Вам поведал. Да, будьте осторожны. Ещё увидимся. – сказал Гунтас, перед «игрой» на Эрате.

Глава 3. А где печать?

– Добрый день, господа. Я вас уже заждался, – раздался громкий голос.

От неожиданности Сервоет вздрогнул и открыл глаза. В этот раз Нерус располагался ни много ни мало в каком-то музее. Путешественники очутились прямо посередине одного из выставочных залов.

Помещение представляло собой просторный квадратный зал с четырьмя высоченными окнами, занавешенными толстыми портьерами зелёного цвета. Стены от середины и почти до потолка были украшены однотипными картинами. На них были сплошь изображения каких-то документов, исписанных сверху донизу мелким шрифтом. Казалось, что кто-то просто взял и поместил листы бумаги в картинные рамы, массивные с золочением. Вдоль стен тянулись невысокие выставочные стенды, прикрытые толстыми стёклами.

Как заметил Сервоет, все они были заполнены печатями и штампами разных размеров и форм. Здесь были и обычные круглые от огромных, диаметром с футбольный мяч и с двумя ручками для удобства, до малюсеньких, не больше пяти миллиметров в диаметре. И замысловатые многогранные, квадратные, прямоугольные, спаренные наподобие катамарана, треугольные и овальные. Фантазии не хватит на то, чтобы представить, чего нельзя было «припечатать» этими экземплярами.

Гунтас слегка дёрнул зазевавшегося мальчика за рукав.

Напротив путешественников стояло существо ростом 160-165 сантиметров, по всей видимости мужского пола. С одутловатым выбритым лицом абсолютно жёлтого цвета, яйцевидным животиком и зализанными набок тёмными волосами. Одет он был в строгий серый костюм, чёрные лакированные ботинки и жёлтый полосатый галстук.

– Ещё раз здравствуйте. Я – Правилый Бумажный №385470. Меня известили, что вы собираетесь нанести визит нашему измерению Бюроу, но не уточнили, по какому вопросу.

Итак, извольте сформулировать, что вам угодно? – без лишних прелюдий обратился «аккуратный толстяк» к Гунтасу. Всё это было произнесено мягким липким голосом, но с железным оттенком, от которого становилось не по себе. Словно ты признаешь себя виноватым в том, чего не совершал.

Было заметно, что транспортный работник немного нервничает. Он еще не успел забыть недавнее хамское отношение со стороны жителей измерения, в результате которого была разорвана меховая жилетка и нанесены побои. Однако положение обязывает ко многому, и вот перед нами снова пелин первой степени, боевой и уверенный в себе.

– Здравствуйте, – пафосно приветствовал он встречающего их «желтопузика».

– Совету времён и измерений стало известно, что в одной из ваших тюрем содержится Сервоет Лучезарный. Спешу напомнить, что он является величайшим исследователем известных миров и его отсутствие наносит невосполнимый урон работе Совета. Потрудитесь объяснить, что такого сотворил сей достопочтенный лысак, что вы упрятали его за решётку, словно бандита!

Слизень в костюмчике (так про себя успел окрестить толстяка Сервоет) и бровью не повёл, пока Гунтас выражал недовольство задержанием Сервоета Лучезарного. Он подождал, пока транспортный работник выговорится, и принялся отвечать всё тем же липковато-металлическим голосом:

– Видите ли, господин пелин первой степени, дело в том, что упомянутый Вами Сервоет Лучезарный позволил себе допустить кощунственные высказывания в адрес устройства нашего мира. Эта вольность и послужила причиной заточения уважаемого исследователя в одну из местных тюрем.

– И что же такого ужасного он мог сказать? Не собирался же он уничтожить измерение?

– Безусловно, до этого не дошло. Лучезарный лишь отметил, что наши многочисленные инструкции и правила рано или поздно приведут к большой кровавой войне. Ещё он сказал, что мы совсем разучились свободно думать, мечтать и фантазировать. Живём и действуем, словно механические счётные машины. Не позволяем себе проявления эмоций и чувств по отношению к гостям и друг к другу.

– Вы считаете, он неправ? – съязвил Гунтас.

Правилый даже не заметил насмешки пелина:

– Он не может быть правым потому, что на этот счёт существует замечательная инструкция за номером один миллион четырнадцать. Она гласит, что чувства и эмоции есть порыв неосознанный, необдуманый, зачастую ложный. Безусловно, у нас существует подробнейший классификатор всех чувств и эмоций, но от этого они не становятся более нужными для общества. Скорее, это объект изучения врачей. Понимаете, о чём я говорю?

– Не совсем, – вмешался Сервоет. – То есть Вы хотите сказать, что существам в вашем измерении запрещено поступать как им вздумается? Они не вольны в своём выборе и должны действовать строго по написанным инструкциям?

– Сразу видно, юноша, что Вы не из Бюроу. Ваше сознание хаотично, я бы даже сказал туповато. Скажите мне, как вы вообще собираетесь действовать по тому, чего нет? Вот хочет, скажем, маленький ребёнок «сходить по нужде», пописать, проще говоря. И как без подробной инструкции он дойдет то туалета, откроет дверь, включит свет, обнаружит унитаз? Он или заблудится, не найдёт нужное помещение и напрудит лужу ещё в коридоре. Либо не сможет включить свет и обоссёт все стены, извиняюсь за грубость.

– Очень просто. Ему это расскажут и объяснят родители, – парировал Сервоет.

– И совсем даже непросто. Потому что его мама и папа с утра до вечера занятыписанием новых инструкций. Или вы думаете, что обучились в детстве искусству мочиться как надо, и всё, овладели вселенской мудростью? Да чтобы Вы знали, для взрослых требуется гораздо больше инструкций, чем для детей. Ибо жизнь взрослого активна, сложна и рискованна.

– Но дети не умеют читать!

– Им это и не требуется. Инструкции поступают в мозг через телевизионные программы, продукты и витамины. Не беспокойтесь, на этот счёт у нас всё давно продумано.

– Если у вас всё уже учтено в существующих документах, – вмешался пелин, – то ответьте мне всего на один вопрос. Почему количество инструкций увеличивается с каждым днём? Вы плодите их всё больше и больше!

Желтолицый даже ухом не повёл, и голос его ничуть не изменился.

– Безусловно, предками до нашего рождения были написаны сотни тысяч инструкций. Причем многие из них ещё на старобюроунском языке, всеми уже позабытом. Вот мы и пишем новые инструкции о том, как надо читать, понимать и выполнять старые инструкции.

Кроме того, вы же понимаете, все течёт, все меняется: наука, техника, медицина. И для современной жизни также нужны новые инструкции, дополняющие старые и создающие почву для создания ещё более совершенных инструкций. Работа не прекращается ни на миг. Каждую минуту в измерении появляется 12 новых документов! – самодовольно заключил «мистер Бумажный».

– Но это же уму непостижимо – хранить в голове такое огромное количество информации! – ужаснулся Сервоет.

– О чем вы? Не понимаю, зачем вообще что-то хранить в своей голове? Достаточно того, что она управляет глазами, ушами и ртом. А все инструкции хранятся вот здесь, – Правилый достал из кармана и показал маленькую серебристую коробочку размером с пачку жевательной резинки. – Здесь записаны все существующие инструкции. А по ночам включается режим автоматического обновления для загрузки новых инструкций – это очень удобно. В ушной

раковине у всех жителей измерения со школьного возраста вживлен микронаушник, который и позволяет слушать Инструктарий.

Кроме этого, мы уже давно не пишем инструкции на бумаге. Такие варианты остались только в музеях – раньше их называли архивами. Да, хранилища занимают у нас четверть территории всего измерения, но мы не жалуемся: ведь инструкция – это святое! Новые инструкции создаются сразу в электронном виде, на компьютере и, как я уже сказал, автоматически загружаются в Инструктарий.

– А вообще, ребята, мне вас бесконечно жалко, – с нескрываемым сочувствием и презрением вдруг заявил Правилий. – Всю жизнь просуществовать без инструкций! Полагаться на сиюминутные порывы души и зачатки логики! Да это всё равно что жить слепым в огромном прекрасном красочном мире! Не знать, что тебя ждёт за углом и как поступить в той или иной ситуации! Нет, для меня это чудовищно даже слышать! Я бы в другом измерении и минуты не протянул.

О чем только думает Совет времён и измерений? Мы им тысячу раз предлагали заняться составлением подробнейших инструкций для других миров. Но пацараи сами живут без инструкций – откуда же им знать о совершенстве системы?

– Это... Вы, пожалуйста, поосторожнее. Говорите, да не заговаривайтесь, – остановил поток красноречия «слизня в костюмчике» Гунтас. – У пацараев, знаете ли, всё просто. Им совершенно не нужны никакие инструкции, чтобы вмиг уничтожить ваше измерение со всеми серебристыми коробочками и пустыми головами!

– Вы напрасно сердитесь, я совсем не обиделся! – расплылся в зеленозубой улыбке Правилий, обнажив два ряда мелких острых зубов. – Я понимаю ваше негодование. И вызвано оно, в первую очередь, тем, что вы чётко не осознаёте, как стоит воспринимать мои слова, реагировать на них и что говорить в ответ. Ваш разум сейчас разрываем эмоциями ограничен хаосом. А будь под рукой нужная инструкция – и в душе наступила бы полная гармония, а в голове воцарился порядок.

Вы правы: пацараи – они, конечно, боги. Однако и бюроунцы не стоят на месте. Мы достигли таких высот в написании, что, может быть, через пару столетий создадим инструкцию по самостоятельному созданию измерений! Так-то!

– Неужели все жители Бюроу с одинаковым послушанием исполняют кучу инструкций, и никто не возражает? – полюбопытствовал Сервоет.

– Ну почему же. Случаются, конечно, и у нас срывы. В семье не без урода, как говорится. От генетических мутаций никто не защищён, в том числе и бюроунцы. Однако с такими у нас разговор короткий. Раньше их просто убивали и закапывали в землю. Они служили отличным удобрением для деревьев, из которых в будущем мы делали бумагу для инструкций. Теперь же, когда надобность в бумаге и, стало быть, древесине отпала, их просто топят. Пусть хоть после своей смерти принесут пользу рыбкам!

– А вы жестокие, как я погляжу! – заметил Гунтас.

– Жестокость не имеет к этому никакого отношения. Мы лишь аккуратно исполняем инструкции, не позволяя эмоциям взять верх. И всё не так печально, как вы себе представляете. Мы изобрели специальные витамины и добавки в пищу. Кроме этого, у нас круглосуточно идут развлекательные радио- и телепрограммы. Благодаря чему несогласных бунтарей с каждым новым поколением становится всё меньше.

Поэтому мы столь резко отнеслись к бредовым высказываниям Сервоета Лучезарного. Сейчас, знаете ли, совсем неподходящий момент, чтобы будоражить наше общество. Ведь именно в этом месяце у нас проходят традиционные встречи населения с Правилием Бумажным №3 – Верховным Главнокомандующим армии создателей инструкций. Это величайшее событие, на котором обязан присутствовать каждый уважающий себя бюроунец.

«Слизень в костюмчике» посмотрел на свои часы.

Святая инструкция! – спохватился он – Совсем мы с вами заболтались. А ну срочно за мной на главную площадь: выступление Бумажного №3 начнется через 15 минут. За мной! Все дела потом! Ах какая будет невозможная глупость, если я опоздаю!

И, не дожидаясь путешественников, толстяк побежал в сторону выхода, смешно размахивая пухлыми ручками. Пожав плечами, Гунтас с Сервоетом молча последовали за ним. Только тут мальчик заметил, что из спины толстяка вылезает длинный чёрно-красный пятнистый хвост, пушистый, с белой кисточкой на конце.

– Смотри, это же рептус! – схватил он за руку Гунтаса. – Только от него не пахло почему-то: наверное, одеколоном замаскировал вонючий запах!

– Ничего подобного, ты же уже видел рептусов? У них длинный чёрный хвост с противной щетиной. А здесь смотри какой шикарный, даже крысодавы позавидовали бы!

– Но зачем он? Они же так похожи на лысаков. А нам и без хвоста хорошо.

Гунтас на миг задумался, вспоминая, и на его лице появилась улыбка.

– Как гласит легенда, после создания Бюроу, его заселения и эволюции в пару миллионов лет сюда с проверкой нагрянула большая комиссия Совета времён и измерений. Они хотели убедиться, что измерение успешно развивается. И, самое главное, своим развитием не угрожает другим мирам и себе в том числе.

В комиссию, помимо пацараев и пелинов, входило несколько исследователей и учёных из разных областей науки. Также для обеспечения безопасности к ним был приставлен отряд боевых магов. А возглавляла его хорошо тебе известная Марфа Травница.

– Какое совпадение! – обрадовался Сервоет, предчувствуя весёлое окончание рассказа.

– И вот в свой выходной от боевого дежурства день пошла она побродить по городу. А в тот день жара стояла жуткая. Солнце пекло, словно раскалённая сковорода.

Упрела Марфа от ходьбы дальше некуда. Думает, дай искупаюсь. А здесь недалеко от города есть большое красивое озеро. Вот она до него кое-как дошла, разделась и давай плескаться как маленькая девчонка.

А Правилии это заметили. Ты уже, наверное, догадался, что в измерении Бюроу всех зовут Правилиями и Правилками Бумажными и различаются они только по номерам.

Так вот, они её увидели и давай верещать: «Как Вам не стыдно! Боевой маг, а туда же, нарушаете инструкцию! Разве вы, – говорят, – не знаете, что купаться можно только с 14 до 15 часов, и то не каждый день». В общем, «сели ей на ухо» так своим нытьем, что и купаться расхотелось.

Вылезла она из воды, оделась, плюнула на Правилиев и пошла восвояси. Только перед этим незаметно магический порошок из травок в воду бросила. Пошутила, стало быть. Она же не знала, что это озеро питает своими водами десять городов измерения.

Вот так и появились у этих бюрократов хвосты. Поначалу они очень стеснялись мутации. Но потом написали пару сотен инструкций, где объяснили сами себе, что хвост есть дар небес и отличительный признак высших существ. И теперь даже гордятся своими отростками. Хуже ламбарий, честное слово!

За разговором Гунтас и Сервоет выбежали из музея и устремились за Правилием №385470, который с завидной прытью нёсся по улице и уже почти скрылся из вида.

Поначалу жителей Бюроу по дороге попадалось не так много. Но по мере приближения к площади становилось всё теснее, и вот уже бег пришлось сменить на шаг, а затем на медленное «продирание» сквозь огромную толпу желающих лицезреть и услышать самого Правилия №3.

На огромной центральной площади яблоку было негде упасть. Тысячи восторженных Правилиев и Правилков стояли в своих дурацких серых костюмах (да-да, особи женского пола тоже носили мрачные серые одеяния) и с вождением уставились в сторону огромных чугунных ворот и на высокий помост перед ними.

Гунтас, не замечая тычков и подножек недовольных его поведением аборигенов, упрямо лез напролом через толпу, стараясь как можно ближе пробраться к воротам.

Сервоета он тащил за собой за руку, боясь потерять в этом сумасшествии. Их недавний собеседник, к сожалению, бесследно исчез, и разыскать его не представлялось возможным.

Примерно минут за семь они добрались до ограждения, составленного из маленьких железных заборчиков, отделяющих место возле помоста от толпы. За оградой стояли высоченные бюроунцы с автоматами наперевес.

Из-за их широких спин Сервоету было плохо видно, но он всё же смог разглядеть часть помоста и происходящее на нём.

Это была богато украшенная сцена, застеленная огромным ярко-красным ковром с вышитыми на нём золотом буквами. На помосте стояла трибуна, сделанная в форме гигантской печати, с тремя большими микрофонами.

– «Меховая инструкция», – подумал про себя мальчик.

– Мы так рады, что снова увидим Правилия Бумажного №3, – послышалось сбоку.

Сервоет обернулся и увидел рядом с собой двух молоденьких Правилоч, ведущих беседу, сдобренную едва сдерживаемыми вздохами и ахами. Их ярко-желтые лица, не обделённые природной красотой, выражали неподдельную радость и восхищение.

– Позвольте полюбопытствовать, – обратился к одной из них Гунтас. – А что такого исключительного в выступлении этого вашего №3?

От такой бесцеремонности дамы слегка покраснели, насколько это вообще было возможно при цвете их кожи, и обиженно вздернули носики.

– Вы что? Как можно? Сразу видно, что не местный! Задавать такие глупые и обидные вопросы!

– И тем не менее, – ничуть не смутился Гунтас. – Как я знаю, у вас на каждый чих и вздох написана своя «великолепная» инструкция. Жизнь разложена «по строчкам», так сказать. И при всём этом вместо того, чтобы наслаждаться идеальным миром, вы собрались на площади, толпитесь здесь, рискуя быть раздавленными, и ожидаете какого-то чуда. Не понимаю.

– Успокойтесь, – ласково взяла его за руку одна из Правилоч, – вы не бюроунец, вам простительно. Сейчас я Вам объясню.

Она подошла чуть ближе, наклонилась к уху пелина и зашептала:

– Мы действительно живём исключительно по инструкциям, которым обязаны следовать неукоснительно. Со стороны это может показаться обременительным, однако на самом деле – благодать земная. Ты всегда знаешь, что тебе надо делать сейчас, и будешь знать, что надо будет делать завтра. Очень удобно.

– Это я уже слышал, – недовольно пробурчал Гунтас, предчувствуя очередную нудную лекцию о совершенстве измерения Бюроу.

– Не перебивайте, – слегка сжала маленькую ручку транспортного работника дама.

– Мы всегда живем по инструкциям. Рождаемся по инструкции, учимся, взрослеем, женимся, заводим детей, умираем. Каждый шаг нашего бытия расписан и заверен печатью.

Но! Ровно один раз в год, в определенную дату, здесь, на главной площади нашей столицы собираются лучшие Правилии и Правилки со всего измерения. И здесь мы все для того, чтобы лицезреть выступление Правилия Бумажного №3.

– А почему не №1 или №2? – пошутил Сервоет.

– А-а-а, тише, молодой человек! – зашипели на него со всех сторон бюроунцы. – Вы что? Только посмотрите, каков наглец! Вы вообще в своём уме? Каждый житель с ранних лет знает, что наш праотец Правилий Бумажный №1 и прамать Правилка Бумажная №2 давно умерли и покоятся с миром под большой каменной печатью! И теперь, в память об их гениальности и совершенстве, даже наш Верховный главнокомандующий и его преемники не могут именоваться номером выше третьего! Стыдно быть таким тупым и невежественным!

Гунтас мгновенно оценил ситуацию, грозящую перерасти в бучу и возможное заключение в тюрьму.

– Тише, тише, уважаемые граждане, – как можно миролюбивее произнёс он. – Вы что, не видите, что мы прибыли из другого измерения. Мы ваши гости. Тоже хотим насладиться встречей с Величайшим, – это слово пелин произнёс с особой торжественностью и даже поднял руки к небу и закатил глаза, – Правилием Бумажным №3. Конечно, мы много чего ещё не знаем о Бюроу, поэтому и совершаем столь досадные оплошности. В общем, не судите строго примитивных существ.

После этих слов он повернулся к Сервоету, и мальчик увидел, что Гунтас еле сдерживается, чтобы не рассмеяться. – Хватит с меня и одной порванной жилетки. Всё равно этих упёртых не переубедишь, значит, нечего время и нервы тратить.

Его слова, особенно про примитивных существ, подействовали успокоительно, и шум недовольства вскоре затих.

– Так вот, – как ни в чём не бывало продолжала шептать дамочка. – Мы собираемся здесь ради выступления Бумажного №3 и особенно ради завершающей части!

– И чем же так хороша концовка встречи? Он что, бесплатно раздаёт деньги или золото?

– Фу-у-у, о каких мелочах вы говорите! В конце своей речи наш Верховный Главнокомандующий в случайном порядке выбирает одного счастливчика. И этот баловень судьбы может потом один раз нарушить любую инструкцию, которую ему заблагорассудится! Вот это размах! А вы талдычите о каком-то золоте.

Гунтас был окончательно сбит с толку. Если бы не бюроунцы, поджимающие со всех сторон, то от неожиданности он сел бы на каменный настил. Чего-чего, но такого поворота пелин никак не ожидал. Немного придя в себя, транспортный работник всё-таки решил продолжить ставшую уж совсем бредовой беседу.

– А зачем вам такой «подарочек»? Ерунда какая-то получается. То вы говорите, что ваши инструкции идеальны. То, понимаешь, толпитесь как стадо и заламываете руки в надежде, что вам подарят право не соблюдать их. Вы точно понимаете, что делаете? Или всё Бюроу от избытка инструкций сошло с ума?

– Тише ты, – тихонько одёрнул его за сумку Сервоет, – держи себя в руках. Сейчас договоришься, и нас, как дедушку, запрячут в тюрьму. А оттуда мы ему точно помочь не сможем!

– Ты прав, – немного успокоился пелин. – Забираем твоего деда и уносимся отсюда «на первой маршрутке» – так, кажется, наш друг Колька любит выражаться?

Зазвучали фанфары, оглушив присутствующих. От неожиданности у Сервоета заложило уши. Даже привычного ко всему Гунтаса, и того передёрнуло.

Огромные ворота дворца распахнулись. Из них вышло существо, напоминающее большого слона, только поросшего розовым мехом и с шестью толстыми ногами. Розовый слон шел степенно и неторопливо. На его спине было водружено, по типу седла, золотое кресло с массивным козырьком из алой парчи. На троне восседал сам Правилий Бумажный №3 – Верховный Главнокомандующий армии создателей инструкций.

Несмотря на гордое звание, это был довольно-таки небольшой бюроунец, ростом не более 145 см, с почти лысой головой, которая казалась шире его плеч, с тонкими ручками и ножками, растущими из худосочного тела.

Когда слон подошёл к помосту, здоровенные охранники подхватили №3 на руки и отнесли к трибуне. Вероятно, Главнокомандующий давно привык к этой процедуре, поэтому лицо его не выразило никаких эмоций, пока его перемещали словно мешок с картошкой. Во время «транспортировки» он лишь несколько раз дёрнул в воздухе коротенькими ножками.

Взойдя на трибуну и увидев перед собой микрофоны, №3 мгновенно преобразился. Ростом словно стал выше, а фигура – массивнее. Он вглядывался в толпу цепким, не терпящим возражений взглядом. Площадь замерла, воцарилась полная тишина, все внимали вождю.

– Друзья мои! – начал коротышка. – Я рад приветствовать вас в добром здравии!

Ваши счастливые лица являются для меня лучшим доказательством того, что Бюроу движется в правильном направлении по пути развития и процветания.

Это было бы невозможно без наших замечательных во всех отношениях инструкций. Они не только учат нас, что и как надо делать, но и дают надежду и веру в завтрашний день. Ведь как приятно знать, засыпая ночью в уютной постели, что рано утром тебя уже ждут десятки «свежеиспеченных» инструкций. Они не дадут нам сбиться с истинного пути, оберегут от ошибок и промахов. Жизнь будет наполнена смыслом и порядком.

Никакой анархии, никаких чувств и эмоций. Никаких необузданных желаний и нравственных всплесков! Только чёткие, аргументированные и подкреплённые «правдой жизни» инструкции!

После этих слов толпа разразилась бурными аплодисментами, свистом и криками «Браво, Правилей Бумажный №3!». Коротышка несколько минут стоял неподвижно, купаясь в лучах славы. Потом, требуя тишины и дальнейшего внимания, поднял руку. Площадь стихла.

– Мы живем в замечательном мире, которым правят инструкции. А создали их мы с вами вот этими самыми руками. И наша армия создателей инструкций – «Канцелярушка», как ласково мы её называем – не знает ни усталости, ни покоя. И я верю, что пройдёт совсем немного времени и по написанным нами инструкциям будут жить не только жители Бюроу, но и существа других измерений!

Новый шквал оваций наполнил воздух гулом низко летящего самолета.

– Мечтать не вредно, – в губу себе промышчал Гунтас.

– А теперь перейдём к заключительной части. Итак, сейчас «Экрану хаоса» предстоит определить очередного бедолагу, которому выпадет испытание один раз нарушить любую инструкцию. И я напоминаю всем присутствующим, что нашу лотерею мы проводим именно для того, чтобы, вкусив горький плод вольной архаичной жизни, вы стали ещё больше ценить наш совершенный миропорядок, основанный на неукоснительном соблюдении инструкций!

– Теперь ты понял, для чего они это делают? – обратился Гунтас к Сервоету.

– Бюроунцы считают, что живут идеальной жизнью. И, чтобы «не зажраться», регулярно устраивают себе такие встряски. После чего начинают ещё больше ценить свои инструкции.

– Ну да, если тигра всю жизнь держать в клетке, а потом на пять минут выпустить на волю в дикую природу, для него это тоже будет шоком. И, скорее всего, он вернётся обратно, особенно, если подойдёт время обеда! Хитро придумано, – присвистнул Сервоет.

Гунтас задумчиво поглядел на мальчика: «Ты растешь и умнееешь не по годам. Видно, не зря пацараи тебя выбрали. А знаешь, это может стать нашим шансом!»

В это время на помост вывели гигантское электронное табло.

Правилей №3 махнул рукой – зазвучали фанфары. Экран загорелся, и по нему с космической скоростью побежали ряды цифр.

– Стоп! – заорал через минуту Главнокомандующий. – Жребий пал на №1274823!

– Ай, не может быть! – взвизгнула недавняя собеседница Гунтаса. И радостно запрыгала, хлопая в ладоши.

Бюроунцы вокруг неё сразу расступились, образовав плотное кольцо, и с радостью смотрели на «победительницу». В это время несколько охранников пробрались через толпу к девушке, бережно взяли её под руки и повели к помосту.

– А вот и она! Прошу вас, очаровательное создание, представиться и огласить, какую именно инструкцию вы хотите нарушить?

Девушка пребывала в полуобморочном состоянии от свалившегося на неё бремени славы. Кое-как совладав с собой, вымолвила: «Правилка Бумажная №1274823, ваше Высочайшее печатнейшество. И я бы хотела, я бы хотела...»

– Ну-ну, смелее, дитя моё, – подбадривал её Бумажный №3, – не томите, а то нас разорвёт от любопытства!

Наконец девушка собралась с духом:

– Я бы хотела, чтобы нарушили инструкцию номер 351840 «О ругательствах и оскорблениях нашей веры» и выпустили из тюрьмы на волю заключённого Сервоета Лучезарного! Несмотря на то, что он плохо отзывался о наших законах и порядках. Вот...

Гул на площади внезапно стих, в тысячах глаз читалось искреннее непонимание. Казалось, Правилка сама опешила от сказанного. Она стояла, широко раскрыв глаза и беззвучно ловила воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба.

Даже Правилий Бумажный №3, казалось, опешил.

– Хм, ну что же, – как ни в чём не бывало выговорил он через мгновение. – Выбор победителя, указанного «Экраном хаоса», как гласит инструкция №153427, является неоспоримым и обязательным к исполнению! Быть посему! С этого момента Сервоет Лучезарный является свободным!

Правилий №3 махнул рукой, повернулся к толпе спиной и стал спускаться с помоста, давая понять, что ежегодный «шабаш» закончен. Охранники были тут как тут, подхватили его и водрузили в золотое кресло на спине слона. Процессия медленно и торжественно въехала в ворота, которые сразу же затворились.

Праздник был завершён, и радостные Правилии и Правилки стали расходиться по своим делам. Всё ещё ошарашенную девушку-победительницу увела её подруга, крепко держа за локоток.

Вскоре Сервоет с Гунтасом остались на площади совсем одни, если не считать нескольких зевак и торговцев мороженым.

Глава 4. Решётки нам не преграда

– Что это было? – Сервоет в недоумении уставился на пелина.

Гунтас улыбнулся, хитро прищурившись. – Да так, ничего серьёзного. Нехитрое магическое заклинание «Туманная голова». Его очень любят использовать нечистые на руку маги, промышляющие торговлей или политикой.

– И в чём оно заключается?

– Ты на несколько минут парализуешь, окутывая туманом, сознание любого существа, и внушаешь ему свои мысли. Например: иди туда-то, сделай то-то, заплати за этот товар не 10 золотых монет, а 100, и тому подобное.

В нашем же случае я внушил стоящей рядом молодой Правилке, что ей очень хочется нарушить инструкцию, из-за которой твой дедушка Сервоет Лучезарный угодил за решётку. Она это и пожелала вслух. Вот и весь фокус.

– И что, бюроунка теперь на всю жизнь останется зомби? Будет ходить и слушать твои команды? А когда ты покинешь измерение, без собственных мыслей сойдет с ума?

– У тебя слишком богатое воображение. Наверное, это наследственное, – улыбнулся Гунтас. – Всё гораздо проще. Заклинание «Туманная голова» действует не более десяти-пятнадцати минут, а потом развеивается без остатка и вреда для заколдованного. Я думаю, эта девушка уже забыла, что была с нами знакома.

Однако что-то мы с тобой заболтались, – пелин огляделся по сторонам. – И наш провожатый сгинул куда-то.

– Вы не меня случайно ищите? – «слизень в костюмчике» бежал со всех ног, тяжело дыша. – Фу-у-у, ну и умотался же я... И как вам праздник? Понравилось выступление Верховного Главнокомандующего Правилия Бумажного №3? Какая харизма! Какой напор праведной энергии! Воистину, жизнь по инструкциям творит чудеса!

– Да-да, конечно, – уклончиво ответил Гунтас. – Знаете ли, уважаемый Правилий №, м-м-м...

– №385470 – подсказал толстяк.

– Так вот, у нас очень мало времени. Поэтому давайте поспешим и исполним волю победителя, выбранного «Экраном хаоса». Тюрьма – не самое лучшее место для времяпрепровождения существ пожилого возраста.

– Да-да, вы правы! Выполнение инструкций превыше всего, – засуетился Правилий. – Хотя, надо признать, нас всех сильно удивила эта молодая бюроунка. Пожелать такое? Не понимаю! И вообще, откуда она могла знать про Сервоета Лучезарного? Конечно, все крупные газеты писали о его злодеяниях, но исключительно в обличающем контексте. А к преступлениям у нас никогда не было и не будет жалости!

Хотя кто знает, что этим барышням взбредёт в голову. Надо на этот счёт написать новую инструкцию, – бубнил себе под нос «слизень», пока они втроём шли к городской тюрьме.

Как ни странно, но путешественников уже ждали. Перед воротами терпеливо прохаживался сам начальник тюрьмы и здоровенный бюроунец – старший надзиратель, как его представили. Вид у обоих был крайне растерянный и подавленный. Сразу после приветствия тюремщики без лишних прелюдий отправились к камере, где содержался Сервоет Лучезарный, пригласив визитеров следовать за ними.

Пройдя сквозь узкий длинный коридор, залитый ядовитым синим светом, они остановились у распахнутой настежь железной двери. За ней располагалась небольшая камера. В углу стояла застеленная кровать, шкаф и письменный стол. В общем, довольно уютное место заключения. Уютное и... совершенно пустое... На высоте трёх метров от пола находилось небольшое оконце. Прутья оконной решетки были выломаны и валялись на полу.

– Не понял! – Гунтас отодвинул охранников и прошел вглубь камеры. – А где же ваш узник Сервоет Лучезарный? Решили с нами шутки шутить? Что у вас здесь вообще происходит?

– Честно говоря, мы и сами толком понять не можем. Похоже на побег, но это же невозможно, учитывая высоту! – начал оправдываться начальник тюрьмы. – Ещё утром всё было в полнейшем порядке. Ровно в девять часов, как положено по инструкции, мы принесли Сервоету Лучезарному завтрак, состав которого также разработан и утвержден инструкциями. Он был в хорошем настроении. Всё скушал, даже попросил две дополнительные чашки рыцанского чая.

– Повторите, – оживился Гунтас. – Вы сказали, рыцанского чая? Я не ослышался?

– Совершенно верно – чая из рыцанской травы. В нашем измерении его все пьют: он очень питательный, придает силы и заряжает энергией на целый день.

– Так-так, стало быть, опоздали, – пелин устало опустил на аккуратно застеленную кровать. – Что-то я сильно вымотался за эти дни. Совсем без сил. Может быть, вы и меня угостите вашим знаменитым напитком? – как можно более дружелюбно обратился он к тюремщикам.

– Да-да, конечно, всё, что изволите. Прошу проследовать ко мне в кабинет, там вам будет удобнее, – засуетился начальник тюрьмы, пытаясь хоть чем-то быть полезным.

– Если Вы не возражаете, мы посидим здесь. Нет сил бегать по длинным коридорам и лестницам. И стражникам скажите, чтобы расходилась. Как видите, охранять в этой камере больше нечего.

Старший надзиратель грозно махнул рукой, и тюремщики живо вышли из камеры, засеменя по коридору за начальником тюрьмы.

Сервоет с Гунтасом остались одни. Пелин, до этого изнемогавший от усталости, быстро вскочил и цепким взглядом стал осматривать камеру.

– Сервоет, живо, помогай мне.

– А что делать? Мы что-то ищем?

– Именно так! Быстрее, пока охранники с чаем не вернулись! Ищи любые знаки, которые мог оставить твой дедушка.

– Какие знаки? Как они хоть выглядят?

Гунтас уже рылся в тумбочках письменного стола, потом полез под кровать:

– Не знаю. Это может быть всё что угодно: надпись на стене, обрывок бумаги, какой-нибудь крошечный амулет.

– Дай подумать, – Сервоет сосредоточился. Из всех сил он пытался припомнить короткие встречи с дедом, его рассказы и поучения.

В это время Гунтас уже облазил всё подкроватное пространство и с головой «нырнул» в платяной шкаф, периодически вышвыривая оттуда мелкий хлам.

– Куда же он его запрятал, вот затейник! – доносилось приглушенное ворчание пелина.

И тут Сервоет внезапно вспомнил, как в один из своих приездов, когда мальчик был ещё совсем маленьким, дедушка научил, как надо прятать монетки. Для этого он отвинтил один из шаров, украшающих спинку железной кровати. Потом взял несколько монеток, положил на листок бумаги и свернул трубочку. Затем аккуратно засунул её в полую спинку кровати и прикрутил железный шар на место.

Как ни странно, в тюремной камере стояла похожая кровать. Только её спинку украшали не железные шары, а пластиковые заглушки, надетые на металлические трубки. Одна из заглушек была вставлена неплотно. Сервоет с силой потянул её, заглушка поддалась и вылезла полностью. Под ней оказался свернутый в трубочку листок бумаги. Мальчик достал его и развернул. Тот был абсолютно чистым.

Гунтас, уже перерывший весь шкаф, стоял за спиной Сервоета и с любопытством наблюдал.

– Подуй на него, – подсказал он.

Мальчик слегка дунул на лист, и через мгновение с его поверхности стала подниматься красная дымка, образовав в воздухе небольшой прямоугольный плоский экран. Затем пришло время зелёной и голубой дымки. И вот уже перед путешественниками полноцветное изображение. На экране во всей своей красе предстал ...сам Сервоет Лучезарный

– Приветствую вас, мои дорогие! Сервоет, Гунтас, я рад, что вы догадались о моём тайнике.

– И мы рады Вас видеть, Сервоет Лучезарный, – почтительно склонил голову пелин.

– Надеюсь, Гунтас, тебе не надо объяснять, как я отсюда выбрался?

– Не стоит напрасно тратить время. Как только я услышал про рыцанский чай, все понял.

– А я ничего не понял! – обиделся Сервоет. – Снова вы меня принимаете за маленького и ничего не рассказываете!

– Расскажу позже, успокойся, – ласково заметил Гунтас. – Итак, Лучезарный, что Вы хотели нам поведать?

– Передайте, пожалуйста, уважаемым пацараям: я знаю, что они меня ждут. И я прибуду в Совет времён и измерений сразу же, как только выясню одну маленькую, но очень важную для нашего дела деталь. Без неё, боюсь, пазлы не сложатся.

Мне удалось подметить, что в нескольких измерениях то, что мы ранее принимали за естественную мутацию животных и растений, такой не является. Не сами они так мутировали в процессе эволюции, понимаете? Эти изменения были внесены искусственно и очень аккуратно – с ювелирной точностью, я бы сказал.

– Значит, Пеленгеном уже начали пользоваться? Но кто? В каком измерении? – вскипел пелин.

– Об этом я расскажу, когда вернусь. А пока вам самим пора уносить ноги из этого «инструкторского мира»: я слышу, по коридору уже кто-то идет.

И действительно, рядом с камерой слышались гулкие шаги. Охранники явно торопились, неся рыцанский чай «обессиленному» Гунтасу.

– Ну что, отправляемся? – Сервоет посмотрел на транспортного работника.

– Думаю, да, больше нас здесь ничего не держит, – ответил Гунтас, извлекая из своей всеобъемлющей сумки золотой Эрат.

***

– Прибыли, открывай глаза! – сказал пелин и похлопал Сервоета по плечу.

В небе ярко светило Солнце, дул сильный тёплый ветер. Путешественники стояли на краю огромного каменного плато. Оно располагалось так высоко, что низкие облака проплывали почти на уровне глаз. Землю разглядеть было крайне трудно. Кроме длинной и широкой реки, с такой высоты более мелкие детали сливались. Даже птицы летали там, внизу, далеко под ногами. В противоположную от обрыва сторону каменная плита тянулась до горизонта, уползая вдаль ярко-желтой, безжизненной пустыней с редкими кустиками фиолетового цвета.

– Где это мы? – любуясь первозданностью дикой природы, спросил Сервоет.

– Ты удивишься, но мы все ещё в Бюроу, только много-много тысяч лет тому назад. Хочу оставить будущим Правилам и Правилкам небольшой подарочек.

– Что ты собрался делать? – с подозрением спросил Сервоет. – Даже я из фильмов про машину времени знаю, что порой самые незначительные вмешательства в прошлое способны породить глобальные изменения в будущем!

– Ты не забыл, что я всё ещё транспортный работник, а не какой-нибудь рептус? Не волнуйся. На будущее самого мира это сильно не повлияет, но бюроунцам, может быть, мозги на место вправит.

– Подожди-ка, Гунтас! – хлопнул себя по лбу Сервоет. – До меня только сейчас дошло! Допустим, ты действительно применил магическое заклинание «Туманная голова» и заставил ту девушку загадать нужное нам желание. Но, как ты сделал, чтобы «Экран хаоса» выбрал именно её? Там же был электронный дисплей, а не какие-то простые шестеренки или кубики.

– Просто повезло, – уклончиво ответил пелин, хитро улыбаясь. – В жизни, знаешь ли, существуют не только закономерности, но и случайности. И порой они играют гораздо более важную роль в твоей судьбе, чем чётко спланированные действия. Самое главное, что мы стояли рядом с трибуной. Поэтому, кого бы ни выбрал «Экран хаоса», я бы смог его достать «Туманной головой». Естественно, если бы выбор не пал на мага.

– Ты думаешь, у этих занудных бюрократов есть маги? Зачем они им, когда на всё существуют инструкции?

– Маги есть в любом измерении, я тебе уже рассказывал. И их судьба – это не «хотелки» самого существа, а выбор «Колеса Фортуны» в Коллегии магов.

Хотя подозреваю, что нормальному магу в Бюроу очень скучно и одиноко. Им, в принципе, невыносимо жить по бесконечным правилам и инструкциям. Можно сорваться и натворить бед. Отсюда столь высокая миграция из Бюроу в другие измерения, например в Пятиречье.

– Ты обещал мне раскрыть секрет рыцанского чая. Ты же сразу догадался, что произошло с дедушкой, как только услышал про напиток?

– Ты прав. Когда мы вошли в камеру и не обнаружили Сервоета Лучезарного, я, честно признаться, растерялся. И если бы не рассказ начальника тюрьмы о завтраке с рыцанским чаем, даже и не знал бы, что делать дальше.

Рыцанская трава – само по себе довольно-таки обычное растение, произрастающее во многих известных мирах. Я слышал, что её можно найти даже в Чёрных дырах тафаргов. А удивительные свойства травки открыл маг из измерения Тракли. Оно славится тем, что там

нет плотоядных существ. То есть повально все вегетарианцы: жрут траву, цветы, листья, да и сами деревья с утра до вечера.

– Но это же невозможно! – удивился Сервоет. – Как же без мяса, колбасы, шашлыка в конце концов? Я бы так и недели не протянул.

– А как тебе травы с пятьюстами различными вкусами: от хлеба, сыра, мяса, рыбы до яблок, арбузов и ананасов? А деревья с шоколадными и бисквитными плодами? Так протянул бы? – усмехнулся Гунтас. – Вот и жители Тракли – траклийцы – живут припеваючи, ни в чём себе не отказывая и не испытывая нужды. Рыцанскую же траву они раньше вообще не употребляли в пищу. Растет себе – и ладно: симпатичная, зелёная, с аккуратненькими цветочками.

И вот однажды зимой возвращался из дальнего похода к себе домой один маг-травник. Это тот, кто специализируется на магических ритуалах с применением растений.

– Как Марфа и Анфиска?

– Да-да, именно. А надо сказать, что погода тогда была жуткая. Лютый мороз и ветер, готовый сшибить с ног, только зазевайся. Шёл маг, шёл, и так ему этот злющий ветер надоел, что решил он пересидеть пургу в каком-нибудь тихом месте. Увидел пару низкорослых ветвистых деревьев, которые, наклонив свои кроны, образовали некоторое подобие шалаша. Залез туда, устроился поудобнее, а согреться всё равно никак не может. Трясётся от холода, зуб на зуб не попадает.

– Чего-то ты мне снова не договариваешь, – перебил его Сервоет. – Как это: маг – и мёрзнет? Он что, не мог заклинание тепла сотворить?

– Ну, во-первых, это был ещё совсем молодой маг. Он много чего не мог. Во-вторых, я же тебе говорю – на улице зима стояла. А он травник. Понимаешь? Был бы поопытнее, так ещё с лета травок всяких заготовил бы впрок, и после горя не ведал бы.

Короче, не знаю, чем он там думал, только сотворять себе ничего такого согревающего не стал. Вместо этого разгрёб снег, пощипал немного травки, которая росла рядом с деревьями, и прямо такую, замороженную, бросил в разожжённый наспех костёр.

Тут и случилось чудо. Оказывается, если рыцанскую траву предварительно сильно заморозить, а потом сразу же бросить во что-то горячее – огонь или кипяток – то эффект будет потрясающим. Напиток из такой травы и даже дым от её горения обладают сильнейшим энергетическим эффектом. Одной чашки чая порой бывает достаточно для преодоления ста километров пути. Вот наш молодой маг надышался и как на крыльях прилетел в родную деревню, где и раскрыл жителям удивительные свойства растения. А дальше уже молва о «ядрёной травке» разошлась по измерениям.

Вот и твой дедушка «накачался» энергетическим чаем, применил пару нехитрых заклинаний, допрыгнул до оконной решетки, выломал её – и был таков, оставив бюроунцев «с носом».

Что-то задерживаются наши гости. Хотя по моим подсчётам они должны появиться в эту самую минуту.

– А кого мы ждём здесь, на безлюдной вершине, куда даже птицы не долетают?

– Скоро сам увидишь, – не успел пелин договорить, как вдали показались тёмные силуэты. Они быстро приближались к Гунтасу и Сервоету, и уже минут через пять стало отчетливо видно двух бюроунцев, скачущих верхом на лошадях. Клубы пыли, разлетающиеся из-под копыт, свидетельствовали о том, что всадники спешили.

– Тпру-у-у! Стой! – скомандовал скакавший впереди высокий бледнолицый мужчина и ловко спрыгнул на землю, не дожидаясь пока лошадь остановится. Следом прискакало животное поменьше: ею управляла женщина с таким же бледным цветом лица.

– Не понимаю, – тихонько прошептал Сервоет. – Все Правии и Правилки, которых мы встречали раньше, имели абсолютно желтую кожу, зеленые зубы и красивый хвост. А эти

прямо как мы – лысаки. И лошади у них вполне себе обычные. Если бы не ты, Гунтас, я бы подумал, что нахожусь на диком Западе в краю ковбоев.

Мужчина помог женщине слезть с лошади, бережно отряхнул её платье от пыли и только после этого заговорил с путешественниками.

– Я рад приветствовать вас, уважаемый транспортный работник, и вас, юноша, – мужчина по очереди поклонился Гунтасу и Сервоету. – Меня зовут Адам Телегин. А это моя жена Марта Телегина, – представил он свою спутницу.

– Очень приятно. Я пелин первой степени Гунтас, а это Сервоет Младший, – довольно сухо отрекомендовался транспортный работник.

– Нам передали, что вы хотите нас срочно видеть? Мы неслись во весь опор, даже лошадей едва не загнали. Наш дом, знаете ли, находится далеко от здешних мест.

– Не будем понапрасну тратить время, – бесцеремонно перебил его Гунтас. – Перейдём сразу к делу! Надеюсь, вы понимаете, за что именно Вас и Вашу жену сослали в это далекое, почти безлюдное измерение?

Мужчина виновато опустил голову:

– И не напоминайте. Нас просто не поняли, оболгали и выставили главными злодеями.

– Вы такие и есть! И не надо строить из себя невинных жертв. Ещё раз хочу напомнить, что ваше неуёмное желание действовать четко по инструкциям привело к гибели почти трех миллионов лысаков. Или вам этого мало?

– Это как же они умудрились перебить такую тьму народа? – присвистнул Сервоет. – Что же такого надо было сделать?

– А ничего – в прямом смысле этого слова. Они погубили людей своим бездействием. Вместо того, чтобы включить аварийное сирену и предупредить, что плавучий остров вот-вот пойдёт ко дну и надо начинать спасательную операцию, просто сидели и наблюдали.

– Вы правы, в тот злополучный день действительно была наша с женой вахтенная смена. Мы как раз только устроились на новую работу в межокеанскую компанию «Живи на острове». И так получилось, что нам сразу довелось быть в технической команде, которой доверили управлять новым, самым большим в мире плавучим искусственным островом «Атлантида-Люкс».

Это был поистине венец творения инженерной мысли. «Рай на воде», как его сразу окрестила пресса. Чего там только не было, помимо феноменальной вместительности в три миллиона человек, не считая команды и обслуживающего персонала: и своя столица, и несколько городков поменьше. Удобные скоростные дороги, небоскребы, поля, леса, загородные дома, торговые центры и даже два аэропорта. Не остров, а сказка.

– Плавучий остров? О каком годе Вы говорите, уважаемый, – попросил уточнить Сервоет.

– О, это был прекрасный 2085-ый. Мы с обожаемой Мартой как раз отметили десятилетнюю годовщину совместной жизни.

– Не отвлекайтесь, Телегин! – одёрнул его Гунтас.

– Да-да, конечно. Так вот, как я уже сказал, мы были в команде управления нового искусственного суперострова «Атлантида-Люкс». По заданию руководства «Живи на острове» нам предстояло совершить рекламное кругосветное путешествие, чтобы остальные страны увидели, каких невиданных успехов добилась компания в деле постройки островов для жизни. И захотели заказать изготовление подобных для своих граждан.

И вот после торжественных проводов наш остров на тихой скорости устремился навстречу славе. Первые три дня плавания всё шло прекрасно: механизмы функционировали, электроника не глючила, команда управления острова работала дружно и профессионально, жители были довольны и наслаждались комфортом и самыми современными технологиями.

Проблемы начались к концу четвертого дня. Как я уже сказал, та злополучная вахта выпала на меня и мою жену. Мы работали в отделе обслуживания ядерной электростанции. Следили за системой безопасности, отвечающей за своевременное охлаждение реактора. Где-то к середине нашего дежурства центральный пульт выдал ошибку «Охлаждение реактора замедлилось». Потом ещё одну. Согласно инструкции, это является типовой ошибкой, и в случае отсутствия повышения температуры внутри самого реактора беспокоиться, в общем-то, не о чем.

– Конечно, не о чем, – передразнил его Гунтас. – Угробили кучу народа, а в целом всё нормально.

– Я же вам объясняю: мы следили за температурой реактора – она оставалась неизменной. А подобные ошибки электроника выдавала ещё на стадии тестирования, и все к ним привыкли.

– И что случилось дальше? – Сервоету не терпелось услышать финал этой драмы.

– В общем, после девятого сообщения я решил спуститься к реактору и лично посмотреть, в чём там дело. Когда я попал в машинное отделение, моим глазам предстала страшная картина: бетонная защитная стена реактора в одном месте была сильно повреждена. Какое-то количество продуцируемого в активной зоне реактора тепла отводилось не как положено, а просто уходило вниз.

В итоге в корпусе острова образовалась здоровенная дыра, из которой хлестала вода. К моему приходу реактор, по сути, уже «плавал» под водой. Именно это способствовало его охлаждению, отчего температура оставалась почти неизменной. А то, что всё вокруг кипело, и бурлило, – это уже другая история.

Мне стало очень страшно. Хотелось бить во все колокола и объявить всеобщую тревогу, чтобы началась скорейшая эвакуация жителей острова.

– Но вы этого не сделали! – тоном неумолимого прокурора заметил Гунтас.

– Инструкция №342 гласила, что объявлять эвакуацию можно лишь после всестороннего обследования проблемы, предприняв не менее трёх попыток её устранения.

А ввиду того, что это был рекламный тур самого крупного в мире искусственного острова и компания возлагала на него большие надежды, нам строжайше было запрещено сеять панику среди островитян. Даже приказали в случае необходимости пожертвовать своими жизнями, но только не опорочить светлый облик корпорации «Живи на острове».

Руководствуясь вышесказанным, я без промедлений вызвал аварийную бригаду и поднялся к себе в офис, искренне надеясь, что всё обойдется.

А дальше вы сами знаете. Автоматически включились аварийные насосы, которые откачали воду, затопившую реактор. Он быстро перегрелся, раздался ядерный взрыв. Затем последовал страшный пожар. Остров буквально разорвало на много маленьких частей. Они хоть и обладали «положительной плавучестью», но оказались бессильны в условиях океанского шторма. Из всех жителей, команды управления и обслуживания спасти удалось только 5000 человек.

– Молодцы, нечего сказать! Теперь ты понял, почему всех сотрудников «Живи на острове», оставшихся в живых после той страшной катастрофы, Совет времён и измерений раскидал по самым далеким и неразвитым мирам? Чтобы другим неповадно было! – не дожидаясь ответа, заявил пелин. – Чтобы каждый знал, что даже одна жизнь важнее всех написанных инструкций, вместе взятых.

– Мы это уже поняли, – вступилась за мужа молчавшая до сих пор Марта. – Все эти годы после катастрофы места себе не находим. Даже переезд в новое измерение не дает забыть той страшной картины. Видно, это будет с нами всю жизнь.

– Вот именно об этом я и хотел поговорить. Вы обязаны не только сами помнить события той ночи, но и во всех красках рассказывать её вашим детям. Как страшную семейную легенду передавать из поколения в поколение. От отца к сыну, от матери к дочери. Ваши потомки

должны знать и понимать, что натворили их предки, погубившие жизни трёх миллионов соплеменников.

– Но мы думали, что наша тайна умрёт вместе с нами! —возразил Адам.

– Ни в коем случае! Это даже не обсуждается, – грубо оборвал его Гунтас. – А попробуете нас обмануть... Тогда каждую ночь во сне будете переживать катастрофу на вашем «чудо-острове» заново, пока с ума не сойдёте. Всё, свободны, больше я вас не задерживаю.

Телегины понуро побрели к лошадям, оседлали их и медленно потрусили в обратный путь.

– Ты не слишком круто с ними обошёлся? Они же поняли, что были виноваты: видал, как переживают? – обратился к пелину мальчик.

– Ничего, пусть знают, каково это – быть бумажными дуболомами и тупыми исполнителями. На инструкцию они, видишь ли, ссылаются... Мозгами думать не пробовали?

Кроме того, ты собственными глазами видел, во что бюроунцы в будущем превратили измерение своими бесконечными инструкциями. Совсем ополоумели. Тебе что, дедушку не жалко, которого, словно воришку-карманника, бросили в тюремную камеру? Я уже молчу про свою жилетку, гады такие.

Нет, пусть уж лучше живут и помнят. И мучаются своей памятью. Так хоть какая-то гарантия есть, что будущие поколения ограничат пыл по части написания инструкций. А мы сюда заглянем через некоторое время и проверим, как они следуют «заветам Гунтаса». Давай руку, Сервоет, нам уже пора.

Сумка, Эрат, три свистка...

Глава 5. Нежданная помощь

Серёжка вновь очутился дома. Колька и Валерка спали как ни в чём не бывало, попеременно стаскивая друг с друга одеяло и недовольно бурча. Гунтаса рядом уже не было.

– Видно, он решил «сойти» на остановку раньше, – подумал про себя мальчик.

На электронном будильнике «светилось» семь часов утра, и Серёжка решил уже не спать, а просто отдохнуть. Быстренько раздевшись, сел на кровать и завернулся в тёплое одеяло.

В комнату прокрался Васька, ничем не нарушая сонной тишины. Аккуратно перешагнул через спящих мальчуганов и прыгнул к Сергею.

– Привет, Васёк! – приласкал его Серёжка. От удовольствия кот заурчал и выгнул спину. Мальчик продолжал гладить мягкую шерстку, как вдруг его пальцы нащупали тонкую веревочку, опоясывающую упитанное тело Васьки чуть ниже лопаток. Он уложил кота на бок и с удивлением обнаружил небольшой амулет. Аккуратно сняв с кота неожиданную находку, Серёжка зажёг ночник. Чтобы не разбудить друзей, он соорудил на кровати палатку из одеяла, засунул туда лампу и, накрывшись с головой, стал внимательно рассматривать «подарок Васанта».

На вид амулет оказался маленькой капсулой овальной формы из черного блестящего металла. Он был абсолютно гладким, без выпуклостей и отверстий. Только одно маленькое круглое ушко, через которое была продета веревочка. Никаких надписей, рисунков, символов – ничего. Просто маленький черный «желудь».

Вспомнив про недавние приключения в тюремной камере измерения Бюроу, Серёжка принялся дуть на амулет, тереть и даже пару раз бросил на кровать, полагая, что это поможет его раскрыть. Затем поднёс к лампочке ночника, пытаясь нагреть. Всё было бесполезно, никакого результата.

– Ну и что ты мне принёс, Васька? Что прикажешь с ним делать? Куда мне его ещё засунуть?

– Эй, полегче, извращенец! Ты чего там удумал? – одеяло стремительно полетело в сторону и на Серёжку удивленно уставились заспанные друзья.

От такой бесцеремонности потревоженный Васька ошетинился и, спрыгнув с кровати, ретировался в дальний угол комнаты.

– Мы всё слышали! Что ты там себе засовываешь в непотребные места? Может, у тебя от путешествий по временам и измерениям «крыша съехала»?

– Сами вы съехали! Орёте как полоумные. Лучше бы спали себе спокойно.

– Как же, уснешь тут. Покажи-ка, что это? – не дожидаясь ответа, Валерка выхватил из рук Серёжки амулет. – Клёвая вещица! Тяжеленькая такая... И что она умеет? Испепелять на расстоянии или читать чужие мысли через бетонную стену?

– Ты сначала в своих мыслях разберись, – мягко осадил его Колька и забрал амулет. Серёжка про себя отметил, что пребывание в облике мудрой птицы космогрифуса придало его другу ещё больше серьёзности и основательности.

Колька повертел капсулу и, не найдя никаких внешних зацепок, отдал назад Валерке. Тот не замедлил тут же обнюхать «черный желудь» и даже слегка надкусить.

– Что ты делаешь! – стукнул его по затылку Серёжка и отобрал находку. – Забыл, что уже не являешься боевым ягуаром, неуязвимым к магии и ядам? А если он отравлен? Намазали поверхность слизью из шипов жабы лакатоки – и специально нам подбросили!

– Откуда он у тебя? – спросил Колька.

– Нашел у кота: он болтался у него на пузе.

– Если его принёс твой питомец-крысодав, тогда он не может быть отравлен или заколдован чем-то плохим. Скорее наоборот, его прислали нам для защиты.

В подтверждение этих слов кот вышел из дальнего угла, подошёл к ещё не собранному Серёжкиному школьному рюкзаку и погладил его лапой.

– Ты хочешь, чтобы я положил амулет в портфель и взял с собой в школу? – предположил мальчик. Васька утвердительно кивнул и дважды промурлыкал.

– Ах ты ж, блин, как же неудобно без Гунтаса. Я совершенно не понимаю, что хочет сказать мне кот.

– Не парься, положи амулет в рюкзак, а там разберемся. Вечно ты всё усложняешь! – со свойственным ему прямодушием предложил Валерка. – А всё-таки жалко, что я сейчас не боевой ягуар! – начал мечтать он. – Как было бы круто прийти в таком виде в школу и застрашать самых злобных старшеклассников.

Одного лапой – хдыщ, другому – хвостом по башке! Потом прыжок, кувырок в воздухе и удар когтями в спину! Знали бы тогда, какого со мной связываться!

– Всё было бы несколько иначе, – остудил его пыл Колька. – Как только ты выбежал бы на улицу в своей желтой пятнистой шкуре, люди попрятались бы кто куда и вызвали полицию. Приехали дядьки в бронежилетах и касках, со специальными ружьями, и расстреляли бы тебя патронами со снотворным. Подождали, когда впадешь в глубокий сон, связали грязными верёвками и отвезли в зоопарк, где работники повесили бы на клетку табличку «Ягуар обыкновенный, самец» и подняли цену на входные билеты.

– Как же, связали! Да они бы со мной не справились!

– А если бы не справились, то просто пристрелили бы как бешеную собаку.

– Нереально! На мне магия пацараев, это тебе не хухры-мухры. Ничего вы не понимаете, – и Колька стал изображать перед зеркалом удары лап ягуара.

– Мальчишки, вставать пора! В школу опоздаете! – раздался окрик Серёжкиной мамы. – Быстро умывайтесь и садитесь завтракать! Всё уже не столе.

– Эх, сейчас бы мегачипсов! – размечтался Серёжка, – Вы бы что хотели съесть?

– Пошли, фантазёры, – поторопил их Колька. – Хотя, надо признать, я бы сейчас не отказался от листьев мясного дерева.

***

– Я не понимаю, зачем нам вообще в школу ходить, тем более в субботу? – ныл по дороге Валерка. – Мы так классно повоевали в Пятиречье! А теперь снова садиться за парты и зубрить дурацкие предметы. Вот скажи, Колька, пригодилась твоему космогрифусу алгебра или биология? Да в Пятиречье даже таких растений, как у нас, нет! А литература? Все эти стишки и сочинения как бы нам помогли справиться с рептусами?

Друзья шли молча, стараясь не обращать внимания на мальчишеское негодование.

В школе царила обычная атмосфера угаро-панико-бесячки. Шум и гам в коридорах на переменах, бои спартанцев в столовой и... мертвецкая тишина на уроках. Поначалу друзья разошлись кто куда, занявшись учёбой. Но после четвертого урока на перемене к Серёжке подбежал взволнованный Колька.

– Пойдем быстрее, этого дурака надо остановить! – и потащил друга за руку в школьный туалет.

Когда они вбежали в «кабинет для мальчиков», то увидели, Валерку, сидящего на подоконнике с чупа-чупсом во рту и что-то увлечённо рассказывающего. Вокруг него собралась ученики младших классов и внимали, открыв рты. Серёжка потихоньку, так, чтобы его не заметил Валерка, встал сбоку и стал слушать. Колька пристроился за его спиной.

Парень был «в ударе»:

– И вот, значит, я, такой, говорю: «Стоять, блин, маги, на месте. Вы крутые, но я ещё круче! На мне печать неуязвимости от самих пацанов! Я вас сейчас на части порву! Будете знать, как по измерениям шастать и гадить где ни попадя...» А мой друг – суперптица – такой сзади подлетает и начинает железным клювом крошить бошки троллей, а Серёга...

– А Серёга тебе сейчас по ушам надаёт! Чтобы врал поменьше и нас не приплетал к своим бредням! – ребята вплотную подошли к Валерке: – Слезай с подоконника и пойдём в класс, выдумщик несчастный.

– А вы расходитесь – чего уши развесили? – стал выпроваживать малышей Колька.

Когда они остались одни, Серёжка поднёс кулак к Валеркиной физиономии:

– Чуешь, чем пахнет? Ещё раз будешь трепаться о наших путешествиях – я тебе устрою!

– Бить будете? Я же не нарочно, как-то само к слову пришлось. Да ещё карапузы: «Расскажи, да расскажи...» – опутив голову, оправдывался мальчик.

– Никто тебя бить не будет. Даже пальцем не тронем! – поучительно произнес Колька. – Просто следующий раз не возьмём с собой, вот и всё!

– Эй, да вы чего, садисты! Лучше бейте, я потерплю! Не брать меня в путешествие – совсем из ума выжили? Там же столько интересного!

– Тогда води себя тише воды и ниже травы! Ещё раз проболтаешься – и точно не видать тебе Гунтаса и его золотого свистка! – и Серёжка отвесил другу подзатыльник. – Пойдёмте в класс, звонок уже прозвенел.

Добежав до кабинета, мальчишки тихонько открыли дверь и попытались прошмыгнуть к своим партам. Это был последний на сегодня урок – история.

– Так-так, это кто тут у нас такой шустрый? – прозвучал незнакомый мужской голос из-за учительского стола.

Друзья обернулись и только тут заметили, что вместо «исторички» Веры Ивановны занятия вёл высокий мужчина со смуглой кожей и чёрными как смоль волосами. – Почему опаздываем? Почему не здороваемся? Не просим разрешения войти и сесть? – он встал и легкой пружинящей походкой направился к ребятам.

– Да мы, это... Просто Вера Ивановна всегда предупреждала, чтобы опоздавшие её не отвлекали, а тихо проходили и садились на места, – нашёлся Колька.

Учитель подошёл к друзьям, внимательно посмотрел в глаза каждому, словно изучая. Потом положил руку на плечо Серёжке. – Тебя, кажется, Сергеем зовут?

– Откуда Вы знаете? – удивился мальчик, и неприятный холодок пополз по спине.

– Стало быть, да, – не обращая внимания на вопрос, продолжал учитель. – Так-так, хорошо.

Меня зовут Фёдор Кириллович, я ваш новый учитель истории. Ты, главное, ничего не бойся, успокойся, а ещё лучше расслабься, – продолжал он внезапно ставшим приглушенным и вкрадчивым голосом. – Всё будет хорошо. Я ваш новый учитель, и опасаться тебе совершенно нечего. Фёдор Кириллович моё имя. Учитель истории...

Серёжка почувствовал, как сознание становится ватным и выпадает из реальности. Он ощущал, что мысли и чувства уже почти не принадлежат ему, словно кто-то влез к мальчику в голову и крадет их. В это самое время школьный портфель дико завибрировал. Фёдор Кириллович тут же схватился руками за голову и почти взвыл. Лицо исказила гримаса боли, которую он пытался сдержать, затем отпрянул от Серёжки и выбежал из класса.

Портфель, ещё немного повибрировав, успокоился.

– Чего это с ним? – не понял Валерка. – Нам что, припадочного учителя прислали? Во нормально... А если он за двойку руку линейкой отрубит или карандаш в спину воткнёт? – сел мальчик на своего «конька-хохмача».

Класс стал громко смеяться, одобряя Валеркины приколы.

– Пойдём садиться, – подтолкнул Колька ещё не очухавшегося Серёгу. – Сейчас прибегут на шум и обвинят нас в срыве урока. Тогда твоя мама больше не разрешит нам вместе заниматься. А ты, Валерка, хватит обезьянничать.

Через несколько минут в класс вошел директор школы. Было видно, что он чем-то расстроен.

– Сидите-сидите, – жестом остановил он встающих для приветствия школьников. – Дело в том, что вашему новому учителю истории Фёдору Кирилловичу внезапно стало плохо. Что-то у него с головой: наверное, давление. Поэтому сегодняшний урок отменяется. Сейчас вы тихо досиживаете до конца, занимаетесь своими делами, а после звонка можете идти по домам. Домашнего задания тоже не будет.

Да, вот как-то так... Не понимаю, не понимаю... – причитая себе под нос, директор расстроенно вышел из класса.

– Вот это нормально так позанимались! – оскалился Валерка.

– Что-то мне это не нравится, – задумчиво произнёс Колька. – Станный он какой-то, этот новый «тичер». Я его раньше никогда не видел. А он раз – и сразу нас узнал: ну Серёжку, по крайней мере, точно. Откуда? Слова ему какие-то бредовые стал говорить, успокаивать, словно убаюкивать.

– Да я там, реально, чуть не уснул, – подтвердил мальчик. – Было такое ощущение, что лежу в тёплой кровати и вот-вот отрублюсь. Если бы портфель не задержался как ужаленный, точно бы заснул у всего класса на виду.

– Точно, портфель! – оживился Колька. – Именно когда он завибрировал, историк от тебя отстал и схватился за голову.

– А вы рожу-то его видели? – свесившись из-за парты, подключился к разговору Валерка. – Как будто лопатой огрели, а потом ещё какашками накормили! А как он из класса выбежал? Только пятки засверкали!

– погоди ты, Валерка, со своими сверкающими какашками! – перебил его Колька.

– Давай лучше Серёгин портфель посмотрим. С чего он так дергаться начал?

Открыв рюкзак, ребята не обнаружили ничего интересно. Там было ровно то же, что и уроком ранее: учебники, пенал, тетрадки. И маленький чёрный амулет.

– Ничего не понимаю, – задумчиво произнес Серёжка, вертя в руке безделушку. – Всё как всегда, ничего нового. Я сначала подумал, что это мне на телефон кто-то звонит. Но потом вспомнил, что мобильник в кармане штанов. Дурь какая-то. Может, Гунтас на мой рюкзак какое-то заклинание наслал?

– Это, определённо, действие амулета. Только непонятно, как он работает? Предлагаю после уроков задержаться в школе и в туалете спокойно во всём разобраться, – предложил Колька.

Зазвенел долгожданный звонок. И класс, превратившись из 13-тилетних детей в снежную лавину, сначала чуть не снёс двери кабинета, а после заполнил весь коридор. Радостные ученики бежали, перепрыгивая через три ступеньки. Всем очень хотелось домой. И только наши друзья неспешно вышли в коридор, прошли в туалет и прикрыли за собой дверь.

– Ну что, долго нам здесь торчать? Я есть хочу! – уже через пару минут начал ныть Валерка.

– Уймись, и не мешай нам думать, – одёрнул его Колька, крутя на веревочке «черный желудь». – Давайте всё ещё раз вспомним хорошенько. Итак: историк подошёл к нам, посмотрел, потом положил руку Серёжке на плечо. Тебе стало хреново и сразу же завибрировал амулет. Всё верно?

– Завибрировал портфель. А был ли это амулет, я не знаю, – уточнил Сергей.

– А что тут думать! – внезапно раздался голос из коридора, и дверь раскрылась. На пороге стояла уборщица баба Нюра с ведром грязной воды в одной руке и шваброй с тряпкой – в другой. Не обращая внимания на обалдевших ребят, она деловито прошла к раковине, вылила из ведра грязную воду и поставила его на пол.

Потом, достав из кармана своего безразмерного синего халата шланг, надела его на кран, а другой конец опустила в ведро и стала набирать чистую воду.

– Чего думать-то, говорю? Амулет тебя и спас от этого упыря. Он мне сразу не понравился, как только в школе появился. Весь такой холёный, аж лоснится. Тьфу ты, пижон-недоучка.

– Подождите, Вы сами-то понимаете, что говорите? – опешил Колька.

– Я, милоч, уже 80 лет такое понимаю, отчего кровь в жилах стынет. А уж сколько повидала всего, не приведи Господь... Да вы не пугайтесь. Я никому не расскажу. Меня Марфуша попросила за вами тут приглядеть немного. Волнуется она, понимаете ли.

– Марфа Травница? Вы с ней знакомы, баба Нюра?

– Это я для остальных баба Нюра. А вообще-то меня Сильвией Ветроносной кличут.

– Я так понимаю, Вы маг? Только какой специализации? – спросил дотошный Колька.

– Я работаю с воздухом – это мой «магический материал». Хочешь – бурю сотворю, а хочешь – ураган. Могу и тайфун забабакать, только уж очень много сил он, стервец, забирает.

– Круто! – не смог скрыть восхищения Валерка.

– А какой у Вас уровень магической культуры? – не удержался Серёжка.

– Ещё вчера был 32-ой, кажись, – и баба Нюра громко засмеялась.

– Что Вас так развеселило? – слегка смутился мальчик.

– Просто я об этом лет пятнадцать уже никому не рассказывала. Как прекратились затяжные войны с рептусами и прочими тварями, так теперь мы, маги, редко видимся друг с дружкой.

А в былое время хорошо сживали, особенно после битвы. Отдохнём, наберёмся сил. Один-другой бочонок настойки из солнечных ягод откупорим. И так легко и весело на душе становится, аж петь хочется. А потом давай друг другу своё искусство показывать да чудеса творить. Главное – в этот момент огнюкам воли не давать. Они шалуны ещё те. Подпалят всё вокруг, а ты потом ходи в прожжённой рубашке.

– И много где повоевали?

– Да уж было время, без дела не сидела. Помню, однажды забросили наш магический отряд в одно препоганейшее измерение «Тошнифен».

– Даже звучит противно, – подтвердил Валерка.

– Звучит! А как выглядит и пахнет! Мне уже через минуту пребывания желудок скрутило и рвать захотелось. Еле с собой совладала. Населяли его мерзкие трясы – на вид огромные улитки с головой крота. У них из носа постоянно выделялись гнойные сопли. Фу, мерзость... Как вспомню, так вздрогну. Но самое удивительное, что при всей своей внешней неприглядности это были замечательные существа. Умные, развитые, с высоким уровнем социальной культуры. Приятные собеседники, если во время разговора на них не смотреть и нос чем-нибудь заткнуть.

– И с какой целью ваш отряд направили в Тошнифен?

– Тёмное то было дело. Нам толком ничего не объяснили. Сказали только прибыть в измерение, разместиться и ждать дальнейших указаний. Так и сделали.

Потом пару раз вступали в схватки с ордами рептусов, покروшили их «в капусту». Но это так всё, мелочи. Марфа, например, во время боя даже из палатки своей не выходила. Так, пару раз руку высунула и бросила в воздух какие-то порошки из трав.

Облако пыли далеко разлетелось. И все враги, которые в него попали, без ног в ту же секунду остались. Ползают эдакие обрубки по земле на руках, глаза выпучили, толком ничего понять не могут. А ты только подходи да мечом бошки отрубай. Красота магическая! Тогда мы с Марфушей и сдружились. Я её верхом на облаках катала да меж волн водила, которые с помощью ветра разводила в разные стороны. А она меня кормила на убой кулинарными изысками и травками потчевала. Я от них лет на двадцать молодела. Так мы беззаботно и проводили время.

Но однажды ночью появился в лагере один тип. Очень-очень сильный маг. С ним рядом стоять-то было непросто – такая от него пёрла магическая энергия. Сначала обошёл весь лагерь, искал ветроносных магов. И так получилось, что в том походе среди них наивысший уровень магической культуры был именно у меня.

Поэтому он вызвал меня к себе и говорит:

– Сильвия, на твою кандидатуру пал выбор Совета времён и измерений. Тебе предстоит выполнить ответственное задание. Готова?

– К чему готова-то? – спрашиваю, а сама стою, зеваю – меня же прямо с кровати сдёрнули.

– Тебе предстоит на три минуты лишить всё измерение даже малейшего порыва ветра. Надо, чтобы воздух в Тошнифене застыл на месте без движения. Справишься?

– Не знаю, раньше такого ни разу не делала. И потом, как это – всё измерение лишить ветра? Это тебе, понимаешь, не форточку закрыть. А существа? Они же двигаются, дышат в конце концов, – стало быть, производят колебания воздуха. С ними-то что делать?

– Об этом не беспокойся. Они тоже будут лишены всех своих возможностей на три минуты. А магов я предупреджу отдельно.

– Всё измерение будет недвижимо? С трудом верится. Я даже в Академии магов про такое не слышала. А позвольте полюбопытствовать, для чего это понадобилось Совету времён и измерений?

– Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что Тошнифен нуждается в небольшой, но очень важной корректировке. Дело в том, что при его создании пацараи кое-чего не учли. Но потом, через много лет, проведя подробный анализ, выявили первоначальные просчеты и теперь решили их исправить. Именно для этого им нужна «полная обездвиженная тишина» в измерении всего на три минуты.

– А при чем тут тогда рептусы? Зачем мы их всех уничтожили?

– Нам не нужны лишние свидетели, тем более злобные и коварные. Меньше чужих глаз – больше пользы для общего дела.

– Когда прикажете приступать к магическому ритуалу?

– Начнем завтра в четыре утра, а закончим в четыре часа три минуты. Многие в это время спят, так что ничего не заметят. А теперь иди: тебе надо хорошенько отдохнуть и запастись магической энергией.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Всё-таки заклинание такого масштаба ещё не делала. Поэтому решила поднакопить энергии впрок. И так её «насосалась» из «рек силы», что голова чуть не лопнула и глаза не повылезали из орбит.

Еле на ногах стояла в четыре утра. Но ничего, справилась – всё прошло в лучшем виде: цельных три минуты ни ветерка, ни дуновения. Мне потом другие маги даже «спасибо» говорили. Дескать, хоть на малое время избавила всех от чудовишной вони.

А для чего это надо было, мы так и не узнали. Тот маг сразу исчез куда-то, а нас расформировали и отправили восвояси по родным мирам.

– Вот это да! Обалдеть! На три минуты «отключить» всё измерение от воздуха, – недоумевал Валерка. – А что если и у нас так сделать, только минут на двадцать? Всем хорошим людям раздать акваланги с воздухом, а остальным ничего не говорить. И – оп! – Земля-матушка свободна от гадов и подлецов!

– Разбежался, – парировал Колька. – Поведай-ка мне, как ты собрался отличать подлецов и гадов от счастливых обладателей аквалангов? У них же на лицах или в паспорте не указано, что они нехорошие люди.

– Очень просто! Я скажу своим друзьям, чтобы они предупредили своих друзей, а те, в свою очередь, своих. Так и получится отбор.

– Так у тебя секта получится или финансовая пирамида. Ты вон с нами споришь постоянно, чего уж говорить о людях, которых вообще не знаешь.

– Надо пацарям сказать, чтобы больше не превращали тебя в боевого ягуара: уж больно кровожадным становишься! – пошутил Серёжка.

– Ладно, ребяташки, хорошо тут с вами, но мне полы мыть надо, – засуетилась баба Нюра, выключая кран и отсоединяя шланг. – Аккуратнее с ним, – ткнула она пальцем в амулет. – Это оберег от любой магии, которая будет направлена против тебя. Она враз блокирует даже малейшие поползновения.

– Вот почему историку резко стало так плохо, что он аж взвыл от боли, – догадался Колька. – Получается, что он маг, который хотел причинить Серёжке вред?

– Не знаю, что он там собирался, я его ещё до конца не просканировала. Но то, что он пакостник редкостный, это я за версту почуяла. Поэтому настоятельно советую держаться от Кирилыча подальше. В крайнем случае, заболейте, но на занятия к нему больше не ходите! – закрывая за собой дверь, на ходу скомандовала баба Нюра.

– Подождите, баба Ню... эээ, Сильвия! – окрикнул её Серёжка. – Вы сказали, что Марфа Травница попросила присмотреть за нами? Стало быть, она здесь? В нашем измерении?

– Зачем здесь? Ей уже годы не позволяют шляться по разным мирам. Свою внучку прислала – Анфиску, егозу такую. Она с вами в параллельном классе учится. Я директору сказала, что она моя племянница, приехала на лечение. Попросила пристроить на время. А вы что, проглядели её? Тоже мне, путешественники по временам и измерениям! Ничего без пелина не можете. Как котята слепые... – её дальнейшие причитания утихали по мере удаления от туалета.

– Вау, Анфиска здесь! – обрадовался Колька. – Надо её быстрее найти.

– К чему такая спешка? Любовь не терпит расставаний? – как всегда, начал хохмить Валерка и громко рассмеялся.

– Сам дурак, – оборвал его Колька. – Как был тупым кошаком, так им и остался, только без усов и хвоста.

– Не обижайся на него, – успокоил друга Серёжка. – А Анфиску действительно надо найти как можно быстрее. Не зря её бабушка одну к нам отправила. Стало быть, дело действи-

тельно серьезное. Про уроки истории всё поняли? Для нас они теперь под запретом, пока баба Нюра с Фёдором Кирилловичем вопрос не решит. Не хочу, чтобы он нас в крыс превратил или мозг высосал.

– Логично, – подытожил Колька. – Хотя, знаешь, он же только на тебя «магически наехал». А мы, типа, ни при чём были. Значит, он не в курсе, что мы вместе путешествовали и много чего знаем. Поэтому на следующий урок к нему ты не ходи, а я загляну – может, чего выясню. Да и странно покажется, если мы вдвоем будем только историю прогуливать, – на том и порешили.

Озираясь, друзья вышли из туалета и, пройдя по длинному коридору, направились к центральному выходу.

Глава 6. Скрытое наблюдение

– Привет, прогульщики! – на каменном крыльце возле школы стояла и шурилась от солнечного света рыжеволосая девчонка со шкодливым выражением лица.

– Анфиска! – обрадовались ребята и кинулись обниматься.

– Аккуратнее, вы, дикие лысаки, задуйте меня, – беззлобно пыталась она избежать бурного приёма.

– Мы уже знаем, что тебя баба Марфа к нам отправила предупредить бабу Нюру, чтобы она нам помогла, – без остановки тараторили радостные мальчуганы.

– Тише, т-с-с! – резко оборвала их Анфиса и показала рукой в сторону.

По широкой центральной лестнице, чуть пошатываясь, спускался новый учитель истории Фёдор Кириллович. В руках он нёс большой, туго набитый портфель из светло-коричневой кожи и чёрный зонт, сложенный в длинную трость.

По выражению лица было видно, что мужчина крайне озадачен. Он был настолько сосредоточен, что даже не заметил стоящих неподалеку ребят. Быстро спустившись по ступенькам, не снижая темпа, устремился на улицу.

– Мне кажется, за ним стоит проследить, – предложил Серёжка.

– Но баба Нюра велела сторониться этого непонятного типа, – напомнил Колька.

– Вечно ты боишься сам не знаешь чего, – подколот его Валерка. – И потом, мы же не будем с ним драться. Просто пойдём следом, проводим до квартиры. Может, что интересное по пути заметим.

– Я согласна: у меня уроки тоже уже кончились, – поддержала друзей Анфиса. – Да и если двинемся такой толпой, то Кирилыч ничего не заподозрит, даже если заметит нас. Подумает, что мы идём в кино или в кафе.

– Ладно, уговорили, – сдался Колька, – только, чур, близко не подходить, чтобы он нас молнией пополам не разрезал. Мало ли что у него в портфеле лежит. И зонт видели какой длиннющий! Может, это замаскированный меч.

Ребята подбежали к школьной ограде и осторожно выглянули на улицу. Историк, как ни в чем не бывало, быстрым шагом удалялся от школы.

Пройдя два квартала, Фёдор Кириллович заметно снизил темп ходьбы и даже пару раз останавливался. Портфель он ставил рядом с собой на асфальт, а сам разминал затекшие кисти рук. Очевидно, ноша была крайне тяжелой. Минут через пятнадцать мужчина остановился рядом с забором, огораживающим стройку нового многоэтажного дома. Простучал несколько жестяных листов зонтом-тростью, после чего отогнул край одного из них и ловко пролез внутрь.

– Что будем делать? – обратился к друзьям Серёжка, когда они подошли к забору.

– Не знаю, – пожала плечами Анфиска. – Если не полезем за историком, то ничего толком не узнаем. Тогда, считай, зря потратили время.

– Попробуем рассуждать логически, – вмешался Колька. – Амулет сейчас «молчит». Стало быть, магии, которая может тебе навредить, здесь нет. А за забором будем глядеть в оба. Как только портфель завибрирует, сразу «делаем ноги» от беды подальше.

На том и порешили. Серёжка с Валеркой отогнули заборный лист. Первым пролез Колька, за собой он втащил за руку Анфиску. Потом – Серёжка и последним – Валерка.

Ребята оказались на строительной площадке. Это был совсем небольшой участок земли, территорию которого почти целиком занимало строящееся здание. Кругом были аккуратно сложены мешки с цементом, песком, большие ряды кирпичей и облицовочного камня, какие-то обрезки труб и металлических конструкций.

Свободными оставались лишь подъездная дорога и небольшая площадка рядом с будкой охранника. Был субботний день, поэтому стройка не работала.

– Сторож спит мертвецким сном, – отрапортовала успевшая сбегать на разведку шустрая Анфиска.

– Странно: день на дворе, солнце печёт, а этот отдыхать удумал в душевной будке. Не нравится мне всё это, – размышлял Серёжка.

– Амулет амулетом, но прихвачу-ка я что-нибудь посолиднее, – Валерка поднял с земли короткую толстую палку, пробитую насквозь ржавыми гвоздями. – Не убью, так хоть испугаю. Эх, где мои «ягуарские» зубы и когти...

Ребята вплотную подошли к дому. Над землей уже возвышались восемь построенных этажей. В само здание вели два широких дверных проёма: один из них был наглухо заколочен досками, а другой перекрывала двустворчатая металлическая дверь. Подергали ручку – дверь оказалась заперта. Окна первых этажей находились метрах в двух с половиной от земли. Но лестницы или даже пустой бочки, которую можно было бы использовать в качестве подставки, в пределах видимости не было.

– Что будем делать? – почесал затылок Валерка. – Блин, а тяжело быть простым лысаком без всяких магических прибамбасов, скажите?

– Что верно, то верно, – удручённо согласился Колька. – И голыми руками эту дурацкую железяку тоже не поломаешь. Предлагаю обойти дом вокруг: может, обнаружим лазейку.

Друзья крадучись пошли вдоль стены, стараясь найти вход. Одна сторона, вторая, третья... Надежда угасала с каждым пройденным шагом. И вот они снова оказались перед уже знакомой железной дверью.

– Подождите, а чего мы тут ходим, как ослы на веревочке? – осенило Кольку. – Ладно мы, расколдованные, без способностей, но Анфиска же реальный маг. Восьмой уровень магической культуры, понимаешь! Что она, не сможет с этим ерундовым препятствием справиться?

Ребята устали на девочку.

– Не надо меня своими глазюками буравить! – беззлобно, но грустно сказала та. – Не могу я ничего сотворить магического: добровольное согласие подписала.

– Какое ещё согласие? – не понял Серёжка.

– Бабушка меня к вам отпустила только с условием, что я подпишу добровольный отказ от применения в измерении лысаков магии.

– И зачем это надо было Марфе?

– Дело в том, что она очень переживает. Восьмой уровень – это, конечно, совсем неплохо для моих лет. Но для серьёзной магической битвы почти ничего не значит.

Бабушка побоялась, что я сдуру вяжусь во что-нибудь и меня пригвоздят вилами к стенке, образно говоря. А так: нет у меня способностей, стало быть, и азарта не будет лезть на рожон; и, кроме этого, никто не сможет вычислить, что я маг. Потому что, типа, я сейчас и не маг.

– И что, всё? Теперь ты обычная девочка и такой останешься?

– Нет, это только на один визит в ваше измерение. Потом магические способности снова ко мне возвратятся. Что я, дура, что ли, подписывать добровольный отказ от неограниченного доступа к энергии «рек силы»?

– Да, Марфа, конечно, по-своему права, но нам-то что делать? – ныл Валерка.

– Ладно, была не была, – Серёжка подошёл вплотную к двери и сотворил заклинание «Плейте орикус». Через несколько мгновений дверь приоткрылась. Однако мальчик ещё раньше упал на землю без сознания.

Колька, Валерка и Анфиса в ужасе отпрянули, но затем сразу же кинулись к Серёжке, стали ощупывать и шлёпать ладонями по лицу, пытаясь привести в чувство. Даже полили ему голову газировкой из пластиковой бутылки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.